

МАРИНА БАРИНОВА

КРИАСМОРСКИЙ ДОГОВОР

ТОРТ

ТОМ 2

С МЕРТВЕЦАМИ

Криасморский договор

Марина Баринова

**Криасморский договор.
Торг с мертвецами. Том 2**

«1С-Публишинг»

2023

Баринава М.

Криасморский договор. Торг с мертвецами. Том 2 /
М. Баринава — «1С-Публишинг», 2023 — (Криасморский
договор)

Власть часто вынуждает тех, кто обличён ею, совершать неблагоприятные поступки. Власть меняет человека или заставляет его проявить своё истинное лицо. В империи, где за власть борются духовенство и маги, умирает бездетный правитель, а его вдова странным образом исчезает. Это вызывает массу интриг вокруг возможных претендентов на престол. Во втором томе третьей книги Артанна де Толл возвращается на родину и узнаёт, что ей необходимо выкрасть родовые скрижали. Тем временем в королевстве начинается извержение вулкана, но даже это не отрезвляет тех, кто борется за власть. А на Миссолен готовится выступить армия из северных даккаров. Подробности – в книге.

Содержание

1.1 Эллисдор	5
1.2 Миссолен	17
1.3 Эксенгор	20
1.4 Турфало	25
1.5 Варшун	30
2.1 Эллисдор	35
2.2 Миссолен	40
2.3 Эллисдор	43
2.4 Сифарес	46
2.5 Эксенгор	49
2.6 Асеш	53
3.1 Асеш	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марина Барина

Торг с мертвецами. Том 2

1.1 Эллисдор

– Этот замок умеет удивлять.

Эрцканцлер Альдор ден Граувер крепче перехватил факел и аккуратно переступил через кучу камней. Теперь подземная темница больше напоминала врата в преисподнюю: стена обвалилась, открыв путь в пугающую неизвестность. Из недр этого мрака доносился шум воды, тянуло сыростью, но не затхлостью – пространство наверняка было обширным.

– Аккуратнее, ваша милость, – предупредил Ганс, когда они подошли к развалинам стены, и на всякий случай пригнулся: помощник возвышался над эрцканцлером на добрую голову.

Альдор вытянул руку с факелом вперёд, но свет не вырвал из окружающей тьмы ничего интересного. Требовалось пройти гораздо дальше, чтобы попытаться понять, что было здесь до строительства темницы.

– Послали за командиром «Сотни»?

– Вот-вот будет здесь. Как и господин Фалберт.

– Каланче точно нужно это увидеть, – согласился Альдор. – Ладно, подождём. Узник, как я понимаю, исчез?

– И след простыл. Ушёл через прореху, едва та образовалась.

– Трудно его винить. Куда больше меня заботит то, почему стена вообще обвалилась. Не умеет же этот Валериано из Гивоя крушить стены силой мысли, в самом-то деле!

– Повезло?

Альдор печально усмехнулся:

– Тогда он будет единственным человеком во всём Эллисдоре, кому хоть сколько-нибудь повезло.

Впрочем, сам Альдор беглеца не осуждал: с учётом туманного будущего для всего города на его месте он и сам бы воспользовался любой возможностью бежать. Войска самопровозглашенного короля Ламонта Эккехарда не собирались снимать осаду до тех пор, пока столица не сдастся. Альдор понимал, что открыть ворота придётся очень скоро, если он не изыщет способа найти провизию или хотя бы сообщить о бедственном положении кому-то из дружественных лордов.

– А если этот Вал... – Ганс понизил голос, намекая на самую невероятную причину обрушения.

Эрцканцлер лишь отмахнулся.

– Парень не был похож на колдуна. Всякое возможно в наши времена, но всё же не думаю, что наш Валериано один из них. Обладай он столь разрушительной колдовской силой, думаю, воспользовался бы ею гораздо раньше. Да и вряд ли парень знал, что за этой стеной что-то есть.

– Никто не знал, – отозвался помощник. – Мы перепроверили все сохранившиеся карты – здесь ничего не должно быть.

Со стороны коридора послышались шаги. Альдор узнал характерное шарканье Каланчи. Он кивком поприветствовал появившихся наместника Нижнего города и Везама из «Сотни». Позади седовласого командира-вагранийца шёл ещё один наёмник. Альдор вспомнил его – гацонец с голосом ангела и глазами плута. Правда, сейчас во взгляде проходимца читалась лишь неприкрытая тревога. Охранявший коридор солдат передал Каланче лампу, и тот, обзрев масштаб случившегося, присвистнул.

- Да здесь словно великан прошёл!
- Именно. – Эрцканцлер кивнул на груды камней. – Желаете прогуляться?
- Ваша милость, там может быть опасно, – обозначил очевидное Ганс.
- Не опаснее, чем за городскими стенами. Я хочу знать, что это за место и можно ли его использовать.
- А я хочу вернуть дезертира, – глухо отозвался командир «Сотни».
- Если он дезертировал. Может какая-то огромная тварь проломила стену и сожрала его, – предположил менестрель.
- Эбнер Каланча резко остановился и удивлённо вытаращился на Белингтора. Ганс стыдливо прижал ладонь к лицу. Эрцканцлер лишь хмыкнул.
- Черсо, пожалуйста, замолчи, – устало приказал ваграницец.
- Прошу прощения. Я просто слишком впечатлён увиденным. Кроме того, Вал – мой друг.
- Ваграницец знаком попросил разрешения пойти первым и, получив согласие, ловко перебрался через завал, а затем подал руку Альдору.
- Мастер Веззам, куда, по-вашему, мог отправиться узник, если ему всё же удалось бежать?
- Не знаю. Родни у Вала не осталось, а все, кого он знает, либо погибли, либо остались здесь, либо в Гивое. Но один он туда не пойдёт.
- Женщина у него есть, – отозвался менестрель из-за спины командира. – Кати из «Розы Ивонн». Мы успели отправить её из города до того, как закрылись ворота. Должна была уехать в Спорные земли – туда Эккехард точно не сунется.
- Здорово, – проговорил Альдор, внимательно глядя под ноги. – Думаете, он отправился за ней?
- А вы собираетесь его преследовать?
- Сложно преследовать кого бы то ни было, когда не можешь даже выйти за городские ворота, – усмехнулся эрцканцлер. – Но на месте Валериано я бы не возвращался сюда после того, что он натворил.
- Парень невиновен, – сказал Каланча и махнул рукой, давая понять, что дело терпит. – Есть доказательства. Расскажу позже.
- Сколь многое, оказывается, успело случиться, – прокряхтел Граувер, перебравшись через последнюю кучу камней. – А здесь и правда полно места.
- Ноги утопали в густом слое грязи. Альдор пошаркал ногой и хмыкнул – под жижей оказалась очень твёрдая и ровная поверхность. Возможно, даже каменные плиты.
- Здесь был зал, – проговорил Каланча, задрав голову. – Поднимите светильники – сами увидите.
- Ганс последовал совету Фалберта и охнул:
- Своды... Ого! Да таких уже давно не строят.
- Осталось понять, почему это место забросили, – заключил Альдор и повернулся к сопровождавшему их гвардейцу. – Осветите здесь каждую стену. Факелами, лампами – неважно. Я хочу понять, что это за место.
- Как прикажете, ваша милость, – отчеканил гвардеец и куда ловчее, чем сам Альдор, перебрался через завал и начал раздавать приказы.
- Пока солдаты возились со светильниками, Альдор с сопровождающими успели отойти довольно далеко.
- Размерами похоже на тронный зал, – предположил Ганс, не переставая теревить перо на шапочке.
- Или на храм, – отозвался Веззам. – Там, откуда я родом, храмы часто вырубали в скалах. Не могу объяснить, но это место кажется мне странно знакомым...

Альдор озирался по сторонам, не веря своим глазам.

– Быть может, оно настолько древнее, что застало времена, когда вагранийцы не стали такими, какими мы их знаем, а рунды и хайлигландцы были единым народом, – сказал он. – Как бы то ни было...

– Факелы! – перебил его Ганс. – Мы здесь не одни.

* * *

Вал припал к поваленному дереву и осторожно выглянул – с опушки открывался вид на лагерь осаждавших. Сотни палаток, десятки костров, дым, крики, конское ржание и неизменная вонь нужников после гороховой каши. Сейчас даже за гороховую кашу он был готов убить: войска Ламонта Эккехарда обобрали все деревни в окрестностях Эллисдора.

– Дермо, – заключил беглец, пересчитав войска.

Первым порывом было убраться отсюда куда подальше. После чудесного побега он не сомневался, что погони за ним не отправят – эрцканцлеру сейчас точно было не до Вала. Однако на своих двоих далеко уйти бы не вышло. Требовалась лошадь.

Он внимательно осматривал южную часть лагеря – ту, что примыкала к Гацонскому тракту. Дорога, само собой, хорошо охранялась, но Вал не был бы Валом, кабы не изучил окрестности. Он помнил, что от Эллисдора до ближайшего Рогдора можно было добраться через лес вдоль реки – медленнее, чем по тракту, но с меньшим риском быть замеченным. А оттуда уже в Гацону, попытаться сообщить сестре короля о предательстве Эккехарда. Принцесса Рейнхильда наверняка смогла бы найти способ помочь Эллисдору. Но как добраться быстро? И как заставить благородную даму поверить такому заморышу, как он?

– Хотя есть идея, – задумчиво проговорил он, глядя на вывешенные у ворот лагеря трупы эллисдорских гонцов. – Безумная и отвратительная.

Измазав лицо землёй и приняв придурковатый вид, он медленно, так, чтобы не вызвать ни единого подозрения, подошёл к часовому у ворот. Зачем-то даже симитировал хромоту.

Часовой преградил дорогу.

– Чего тебе, оборванец?

– Я Вал из Цурга, – он махнул рукой в сторону ближайшей деревни. – Меня прислал староста забрать трупы пойманных гонцов. Похоронить надо по-божески. Позволите?

Страж нахмурил кустистые брови и уставился на Вала недобрым взглядом.

– Что-то я тебя раньше здесь не видел.

– Так я и не здесь живу, давно уж в Рогдоре служу писарем. Матушка у меня в Цурге, старенькая уже. Сестру как прошлым летом замуж выдали, так одна она осталась. Я-то, как узнал, что здесь творится, приехал за ней присмотреть. И ладно голод – не впервой, зимой ещё и хуже бывало. Но то, что с гонцами сделали... – Продолжая тараторить, Вал оглянулся по сторонам, приблизился к стражу и перешёл на шёпот. – Против божьего закона это, мужики. Эти парни виновны лишь в том, что выполняли господский приказ. Разве не заслужили они достойные проводы хотя бы поэтому?

Стражи переглянулись. Тот, что буравил Вала тяжёлым взглядом, пожал плечами.

– Тебе-то какое дело до этих трупов?

– Так вот этот, – Вал ткнул пальцем в сторону висевшего на воротах обезглавленного гонца, – Ханк это, соседка моя. Родимое пятно на ноге видишь? Вот по нему и опознал. Наш он, деревенский, да тоже давно в Эллисдоре жил. В деревне и должен остаться. Прошу вас. Ради милости Хранителя.

– Ладно, – наконец проворчал часовой. – Пойду спрошу. Гец, глаз с этого голодранца не спускай.

Вал с облегчением выдохнул.

– Спасибо.

Время текло медленно. Валу начало казаться, что часовой и вовсе не вернётся, когда тот наконец-то появился.

– Дозволено, – проворчал он. – Но можешь взять только того, который из твоей деревни. И как ты его тащить собрался? Где твоя повозка?

Вал нервно расхохотался:

– Так ваши же и забрали третьего дня. Вместе с остатками репы. – Он сглотнул, стараясь не выдавать отвращения. – На себе понесу.

Второй страж брезгливо поморщился.

– Вот же дерьмо. Он уже разлагаться начал.

– А то я не вижу. Может есть тряпица какая завернуть тело?

– Не-а. На такое точно ткань расходовать никто не даст.

– Проклятье. Ладно. Поможете мне его снять?

Часовой метнул на Вала ещё один грозный взгляд.

– А жёваной морковкой в рот тебе не плюнуть? Надоел ты мне, парень. Последняя услуга, потом проваливай.

– Конечно-конечно, – торопливо согласился наёмник. – Возьмёмся!

Он обхватил неестественно мягкие ноги покойника. Казалось, у того сейчас отвалятся конечности. Почерневшая кожа грозила лопнуть от малейшего прикосновения. И воняло от этого трупа так, что Вал то и дело подавлял приступ тошноты.

Стараясь даже не глядеть на омерзительное зрелище, часовой вытащил из-за пояса нож и одним махом перерезал верёвку. Вал рухнул на задницу, обнимая труп.

– А неплохо смотрите, – хохотнул второй страж. Вал только сейчас заметил, что говорил он с южным акцентом, да и сам был похож на гагонца.

– Не богохульствуй, добрый человек, – отозвался беглец. – Не то гореть тебе в Арзиматовом пекле.

– Все там будем, парень. Но сначала я бы хотел взять Эллисдор и заглянуть-таки в знаменитый бордель мадам Ивонн.

Вал дёрнулся как от удара. Хорошо, что Кати успела уехать. Но выбралась ли? И как далеко смогла пробраться в сторону Спорных земель? Не случилось ли чего по дороге? Она могла постоять за себя, его Кати, да и в головке у неё водились мозги. Но Северный тракт не был местом для одиноких путниц. Вал много раз порывался бросить эту затею со спасением эллисдорцев и просто отправиться искать свою женщину. Но смог бы он простить себя позже, зная, что мог попытаться сделать хоть что-то? И простила бы его Кати, узнай она, что он мог и не сделал? Она бы, конечно, ничего не сказала, но наверняка перестала бы его уважать.

Вал не мог позволить себе стать трусом. Ради Кати, ради Черсо, что остался там, за стенами. Ради эрцканцлера, который пока что находил в себе сил оставаться человеком. И ради памяти Артанны, которой некогда поклялся отвоевать Гивой.

Он вдохнул воздух, наполненный вонью разлагавшегося тела, вдохнул так глубоко, что грудь едва не треснула – чтобы не забывать, что дело его грязное. Затем медленно поднялся и взвалил покойника на плечи.

– Мож голову возьмёшь? – спохватился часовой. – Вон она, на пике висит.

– Обойдусь, – буркнул Вал и, пошатываясь от слабости и напряжения, направился прочь от лагеря. – Спасибо.

Как же он сучал по Кати. И как же вонял этот безголовый засранец.

* * *

– Ваша милость, осторожнее! – рыкнул Веззам и в который раз мысленно обругал Граувера за беспечность: рванул навстречу огням столь уверенно, словно прогуливался по Гацонскому тракту, а не исследовал древне сооружение. Пришлось поспешить следом, пока правая рука короля не переломала обе ноги.

Ганс на бегу прищурился.

– Гвардейцы! – выдохнул он. – Наши, слава Хранителю.

Веззам удивлённо уставился на помощника эрцканцлера. Глазастый как кот, раз умудрился рассмотреть опознавательные знаки гвардии в этом полумраке.

Ослабевший от полуголодного существования барон быстро выдохся, и Веззам не без удовольствия перешёл на шаг. Позади плёлся Фалберт – Каланча прихрамывал и явно страдал болями в коленях. Белингтор бесшумно шагал рядом с командиром – рука на эфесе меча, взгляд суровый, поступь мягкая. Не иначе научился у сгнувшего вместе с Артанной Джерта: эниец умел подкрадываться столь тихо, что и олень не заметил бы.

Эрцканцлер остановился на расстоянии пяти шагов от гвардейцев. Тех было двое: высокий и тощий – почти Каланча, но вдвое моложе, второй – коренастый, постарше, с лицом круглым и бледным как луна. Ганс цокнул языком и покачал головой, рассмотрев служивых: рожи осунувшиеся, руки в ссадинах, пояса болтались на тазовых костях.

Голод грозил уничтожить их всех куда быстрее Эккехарда.

– Что вы здесь делаете? – вместо приветствия спросил Граувер. В голосе эрцканцлера был металл, хреновый знак. – Кто приказал идти на разведку?

Коренастый шмыгнул носом и вытянулся по струнке, узнав эрцканцлера. Высокий замешкался и получил от товарища тычину в бок.

– Никто, ваша милость, – поклонился тот, что оказался посообразительнее. – Сами решили посмотреть. Это мы совершали обход, когда в камере рухнула стена. Но пока нашли ключи, пока открыли дверь, пока поняли, что к чему... Узник бежал. Мы отправились за ним, надеясь догнать.

– Судя по всему, не догнали, – подытожил Веззам.

Коренастый угрюмо уставился себе под ноги.

– Да, мастер. Однако...

– Проклятье! – вспыхнул эрцканцлер. – Город в осаде, каждый человек на счету, а вы, олухи, полезли не пойми куда? А если бы нашли там смерть?

Долговязый гвардеец пожал плечами, отчего пламя факела дрогнуло.

– Так беглец же. По уставу-то сказано... Простите, ваша милость. Мы и правда не думали ничего дурного.

– Шварценбергу объясните, – проворчал Альдор. – Лучше скажите, как далеко успели отойти и нашли ли что-нибудь.

Оба почти что радостно закивали, вызвав у Веззама недоумение.

– Ещё как нашли! Там обрыв. Скала висит прямо над рекой, можно прыгнуть.

– То есть этот зал – он как бы в пещере сделан, – добавил коренастый. – Сама пещера на скале. А скала над рекой – уж течение видно. Я камень кинул – он быстро в воду бултыхнулся. Значит, не очень высоко.

Эрцканцлер озадаченно переглянулся с Гансом.

– Но здесь не должно быть реки.

– Да, господин. И всё же она есть.

– Возможно, поменяла русло. Говорят, такое бывает. Быть может, из-за близости к реке зал и покинули. – Граувер обратился к гвардейцам. – Отведите нас туда, я хочу увидеть всё сам. Как далеко идти?

– Ощутимо, ваша милость. Если я сориентировался правильно, пещера находится уже за пределами города.

– Вот как... Ведите скорее.

Веззам жестом привлёк внимание Граувера.

– Ваша милость, позвольте нам идти первыми, – обратился он. – Местность неизведанная, мы не можем вами рисковать.

Слава богам, на этот раз барон не стал упрячиться. Он коротко кивнул наёмникам и отстранился, пропуская Веззаса вперёд.

– Вы тоже будьте осторожны.

Они шли колонной по двое: сначала гвардейцы-разведчики, затем Веззам с Черсо, следом Граувер с помощником. Замыкали колонну Каланча с ещё одним солдатом.

– Мне не по себе, – шепнул Белингтор на ухо командиру, убедившись, что топот ног заглушал его голос. – Задницей чую неладное.

– Засунь страх подальше и молись, чтобы мы нашли Вала.

– Вот я и боюсь, что не найдём. Он может быть совсем рядом, всего в шаге – а мы пройдем мимо и не заметим.

– Если он всё ещё здесь, то отыщем, – Веззам старался держаться уверенно, но сам сомневался в том, что говорил. – Его милость отдал приказ. Скоро здесь станет светло как днём.

Белингтор заткнулся, продолжая беспокойно озираться по сторонам. Толку от этого было немного: вокруг тьма, камень и сырость. Но свежего воздуха стало куда больше.

– Вот! – подал голос луноликий гвардеец. – Аккуратнее, сейчас будет тесно. До сих пор удивляюсь, как мы вообще нашли этот проход. Хранитель направил, не иначе.

Веззам быстро понял, о чём толковал разведчик. Они упёрлись в каменную твердь – наконец-то нашли хоть какой-то край этого пространства. Гвардеец поднёс факел ближе к скале и принялся шарить руками, продолжая шагать вдоль стены.

– Нашёл! За мной, – скомандовал он и тут же исчез.

Белингтор удивлённо моргнул.

– Ну, чего стоите? – из мрака возникло круглое лицо проводника. – Сворачивайте за угол. Не бойтесь, здесь пол такой же твёрдый. Но придётся идти гуськом.

– Я первый, – сказал Веззам и направился за импровизированный угол.

– В кои-то веки не горю желанием оспаривать твоё право, – проворчал Черсо и, перехватив факел покрепче, двинулся за командиром.

Веззам удостоверился, что все нашли проход, и последовал за гвардейцами. В конце природного коридора – а подобное, несомненно, не мог сотворить человек – брезжило светлое пятно. Значит, поверхность всё же была совсем рядом. С каждым шагом дышалось всё легче, и всё нарастал шум воды. Место и правда было странным, но Веззам не испытывал такого животного ужаса, какой сейчас переживал Черсо. Гацонец побелел, с трудом дышал и едва двигал ногами, цепляясь ногтями за каждую шероховатость каменного коридора.

– Эй! Всё в порядке, парень. Сейчас выйдем, полегчает.

Он уже видел подобное и знал, что на свете есть люди, которым трудно находиться в тесноте. Но ни разу не замечал такого приступа за Белингтором.

– Мне плохо... Я не могу...

Веззам буквально взвалил на себя хрипевшего наёмника и ускорил шаг.

– Только не паникуй, не надо глупостей, – тихо говорил он, продолжая торопливо шагать на свет. – Видишь, выход всё ближе, совсем рядом, лучше приготовься зажмуриться...

Они вывалились из коридора на плоскую как поднос площадку шириной в два десятка шагов и длиной вдвое больше. Гвардейцы рассыпались по сторонам, давая дорогу. Веззам бережно усадил бледного от ужаса менестреля и огляделся.

– Факелы пока не тушите, – приказал он, хотя сейчас они были не нужны.

Ваграницец выпрямился и подошёл к самому краю скалы, что вытянулась вперёд над рекой, точно язык. Горе-разведчики даже преуменьшили находку. Над пещерой, куда выходил коридор, почти совершенно аркой нависала громада камня. На поросших мхом стенах сохранились остатки узоров, вырезанных, должно быть, ещё до возникновения Древней империи. Сверху, ровно над краем скалы-языка, было выбито отверстие, рукотворно переделанное в солнечный колодец.

– Святилище, – предположил Белингтор, поднимаясь на ноги. – Смотри, как падает свет – прямо на край. И там вырезаны какие-то знаки.

Скала выдавалась вперёд в том месте, откуда подземная река выходила на поверхность.

– Это, должно быть, приток Лалль, – сказал подошедший Ганс и с опаской глянул вниз. – И я даже начинаю понимать, в какой стороне мы находимся.

– Юго-западнее? – Веззам обернулся на голос эрцканцлера и посторонился. Альдор ден Граувер с восхищением огляделся. – Священное место. В народе ходили легенды, что Эллисдор построен на месте древнего города, но подтверждений тому не было. Кажется, сегодня мы его нашли. Прекрасно. Это место нужно сохранить и укрепить.

Веззам поразился реакции эрцканцлера. Даже страдая от голода, даже находясь среди паникующих и озверевших от отчаяния людей, он каким-то чудом видел в первую очередь прекрасное. Восхищался и пусть на миг отдавался этому безмятежному любованию с такой страстью, словно и не было войны за стеной.

Альдор ден Граувер умел видеть красоту, а он, Веззам, всегда умел видеть, как можно использовать вещи для войны.

– Ваша милость, разрешите провести разведку?

– Разумеется, мастер Веззам.

Ваграницец отстегнул перевязь с оружием и принялся раздеваться.

– Вы собираетесь...

– Проверить, куда течёт река, и выходит ли она на поверхность.

– Бог мой, это безумие!

– Всё, что мы нашли сегодня – безумие, ваша милость. Узника нигде нет. Бегун он скверный, но пловец – отличный. И раз здесь его не нашли, наверняка он ушёл по реке. Заодно проверим, не разучился ли я плавать, – усмехнулся Веззам и, поклонившись Грауверу напоследок, прыгнул в воду.

* * *

– Прости, друг, лучшей могилки не будет. – Вал водрузил последний камень на импровизированный саркофаг из булыжников, что натаскал с берега. – Зато лежишь на холме, рассветы прекрасные. Речка, опять же, рядом. Жечь не буду, а то выдам себя. Да и вряд ли покойникам всерьёз есть дело до того, как их хоронят.

На берегу досыхала снятая с гонца одежда, если её можно было таковой назвать. Труп был босым: сапоги сняли ещё в лагере Эккехарда – видать, хорошо сохранились. Портки истрепались, зато приметную эллисдорскую ливрею, хотя она была заляпана смесью крови и какой-то бурой жижи, всё ещё можно было опознать.

Оно и к лучшему. Осталось раздобыть лошадь порезвее.

Темнело. Вал переоделся в высохшее тряпье гонца, сверху накинул драный плащ, а старую одежду спрятал под лапник.

– Ну, пора.

Он бесшумно, как некогда учил его Черсо, подобрался к лагерю со стороны южных ворот. Замер, проморгался, привыкая к смене освещения. Костры и факелы загорались один за другим.

Ему ещё никогда не приходилось что-либо воровать, но Вал не сомневался, что конокрад из него был так себе. Да и наездником он себя считал посредственным, практиковался мало. Но выбора не оставалось. Самый ценный ресурс Эллисдора – время – иссякал с каждым днём.

– Этого я Кати рассказывать не буду, пробубнил он под нос и возвёл глаза к небу. – Хранитель милостивый, прости мне грех, что я вынужден совершить во спасение многих невинных душ. Прости и помоги мне.

Наспех осенив себя священным знаком, он подполз к частоколу и укрылся за выступом. Теперь осталось ждать.

Долгое время никто не входил и не выходил, а ночь окончательно опустилась на лагерь. Вал уже начал было думать, что сейчас ворота и вовсе закроют, разрушив все жалкие надежды на успех, но вдруг его внимание привлёк нараставший шум перебранки, доносившийся из-за ворот. Вал наострил ухо.

– Да мне насрать, понял? – хрипло орал кто-то. – Кройцу нужна баба, и ты её найдёшь! Гони в деревню и привези девку поладнее. И если через час не привезёшь, будешь ублажать Кройца своей вонючей задницей, понял?

– П-понял, – пискнули в ответ.

– Бери лошадь и дуй немедленно. Чтоб одна нога здесь, а другая там. Справишься – завтра не поставлю в наряд.

– Есть!

– Вот, держи, – добавил хриплый. Очевидно, командир. – Отдашь монету девице или её родне. Там есть один дом на отшибе – большое хозяйство, при нём сирот много. Сначала туда загляни. Есть там одна рыженькая, я давно её приметил.

Вал был готов рухнуть на колени и возносить благодарственную молитву.

– Спасибо, боженька, – беззвучно шепнул он, взглянув на усыпанное звёздами небо.

Пригнувшись, Вал юркнул в подлесок и пробежал в сторону большой дороги. До ближайшей деревни на лошади было всего ничего по Гацонскому тракту.

Он обругал себя за излишнюю поспешность с переодеванием: эллисдорская ливрея сейчас была совсем некстати. Но переоблачаться обратно времени не было. Беглец плотнее запахнул плащ, подвязал поясом и вышел на дорогу. Всадник раз выехал за ворота и направлялся на юг.

Вал натянул наглую ухмылку и вышел ему навстречу.

– Эй, служивый, жар погасить не хочешь? – обратился он. – Не бойсь, себя не предлагаю. Сиротки у нас сочные подросли. Надо ж им-бесприданницам как-то начинать зарабатывать на жизнь.

Всадник остановился.

– Э... а ты откуда знаешь, зачем я...

Вал снисходительно усмехнулся:

– Ты всерьёз думаешь, что первый выезжаешь ночью из лагеря за девицей для командира?

– Нет, наверное...

– Впервые послали, да? – почти театрально вздохнул беглец, поправив запахнутый плащ.

– Ага.

– Пойдём, провожу, выберешь. Да не бойся, ты! Зубов между ног у них нет, все после бани. Мы, можно сказать, нынче каждый вечер ждём гостей. Лагерь-то у вас большой.

– С-спасибо, – промямлил солдатик.

Они дошли до перекрёстка даже не с дорожкой – просекой – и Вал махнул рукой налево:

– Давай так, ближе будет. Не всем в деревне нравится, что ваши повадились девок пользоваться. Ясное дело, война, но в Священной книге другое писано. А тут у нас народ набожный. Так что лучше не светиться лишней раз, подойдём с другой стороны.

Вал сам себе поражался: держался так уверенно, словно и не играл роль, а действительно работал сводником при борделе. Видать, сказались частые визиты в «Розу Ивонн» и знакомство с тамошними женщинами. Стыда там, к слову, никогда не было – девки зарабатывали как могли. Да и чего стыдиться-то, если подумать? После знакомства с Кати Вал считал заветы Священной книги безнадежно устаревшими.

Он хмыкнул под нос, осознав, что уже дважды за день прикидывался кем-то другим, и оба раза пока успешно. Оружия у него не было, а выкручиваться как-то требовалось. И с удивлением Вал понял, что ложь и игра могли помочь куда эффективнее меча. Однако и сталь бы не помешала.

– Скоро придём, – он указал на маячившие в конце поля огни деревни.

– Ага...

Он покосился на солдата:

– Ты чего трясешься?

– Смущаюсь. У меня ещё женщин не было, а как выбрать-то... Я ж в этом ничего не понимаю.

Вал хихикнул.

– Моли Хранителя, чтобы это стало самой сложной из твоих проблем. Расслабься, парень. Помогу.

Он внимательнее присмотрелся к солдату: юн был ещё, лет пятнадцати, и в башке явно каша. При других обстоятельствах Вал не стал бы с ним играть, но выбирать не приходилось. Он хотел спросить имя это паренька, но решил, что не стоило: незачем давать кошмарам имена. А Вал знал, что если ошибётся, этот парень будет преследовать его по ночам.

– Ручей, аккуратно, – предупредил наёмник. – Лучше спешиться.

– Угу.

Вал отступил на шаг, огляделся, подхватил небольшой камень и сунул в рукав. Какое-никакое, а оружие.

– Как думаешь, скоро всё это закончится? – спросил солдат. – Ну, осада, война...

– Когда Эллисдор падёт или вернётся король Грегор. Там и решится.

– Значит, ты за Грегора? – голос парня дрогнул. Не оборачиваясь, он перевёл коня через ручей.

Вал полжал плечами.

– Мне всё равно. Что один, что другой будут обдирать народ налогами да издавать дурацкие указы. Но ты прав, в окрестностях все молятся, чтобы всё это поскорее закончилось.

Он лихо перепрыгнул ручей, легко, почти как кот, приземлился, и достал из рукава камень. Парень как раз успокаивал расфыркавшегося коня и не заметил подошедшего со спины наёмника.

Теперь оставалось молиться, чтобы не ошибиться с ударом и не зашибить этого мальчика насмерть.

Вал ударил. Но именно в тот миг, когда солдат повернул голову.

Камень угодил прямо в висок, юнец рухнул как подкошенный – с открытым ртом, словно фраза застряла у него в горле, и влажными глазами.

– Чёрт.

Вал наклонился, чтобы проверить, пульсировала ли жилка на шее у солдата. Ничего.

– Дерьмо.

Конь же на удивление был спокоен.

– Ладно, – выдавил из себя Вал. – Вот и первый грех.

Раз всё пошло наперекосяк, следовало выжать максимум возможного из ситуации. А не то вышло бы, что парнишка-то погиб зря. Вал проверил сапоги: новенькие, почти не стоптанные, почти не жали. Уже отличный трофей. Обувь удивительно контрастировала с давно изношенной одеждой. Может с трупа какого снял. Обшарил карманы – нашёл несколько медяков и серебряную монету в кошеле. Забрал простенький солдатский меч. Совсем прекрасно.

– Ну, парень, прости.

Времени погребать не было: скоро солдата наверняка хватались бы в лагере, требовалось уносить ноги как можно дальше.

Вал подошёл к коню и протянул руку, чтобы погладить:

– Привет, красавец, – ласково шепнул он. – Какой спокойный. Надеюсь, не голоден. Мне тебя и угостить-то нечем.

Животное глянуло на него огромным добрым глазом и мотнуло головой.

– Ну, не укусил – уже хорошо, – печально усмехнулся Вал и покосился на труп. – Поехали отсюда, красавчик. Попробуем убедить леди Рейнхильду нам помочь.

* * *

Вода была почти ледяной. Веззам проплыл с десятков шагов и решил покамест не нырять: за скалой река изгибалась, требовалось посмотреть, что там. По телу с непривычки бежали мурашки – Веззам не плавал несколько лет. Гивойская грязнущая река к этому не располагала. Да и, чего таить, не любил он воду.

Наёмник двигался медленно, аккуратно, экономя силы. Оставалось надеяться, что из этого места всё же был выход на поверхность. Ведь древнее святилище возникло здесь явно ещё до строительства замка, и до него ведь как-то добирались. Впрочем, теперь ни в чём нельзя было быть уверенным.

Ваграницец доплыл до скалы и, ухватившись за камень, осматривался и восстанавливал дыхание. Света не доставало, приходилось ориентироваться лишь по отблескам на воде. Веззаму подумалось, что если эрцканцлер решит обжить это место, в скалах понадобится прорубать крепления для ламп и факелов, а зажигать их придётся с лодок – иначе не подобраться.

Это место мучительно напоминало Сотнику родной Ваг Ран: вырубленные в скалах святилища, дома из массивных каменных плит, следы древних цивилизаций и эпохи то ли богов, то ли могущественных колдунов – загадочного наследия предков. Веззам вспомнил об Артанне и пожалел, что это место не нашли при её жизни. Зная её, она бы здесь обшарила каждый камень и наверняка нашла бы что-то важное. Но Артанна сгинула, и нечего было по ней скучать.

Веззам ушёл с головой под воду, прогоняя воспоминания. Не сейчас. Не время. Думать о живых. Затем оттолкнулся от скалы и почти на ощупь поплыл за поворот.

Здесь было ещё темнее, пришлось помедлить, чтобы глаза привыкли. О ваграницейцах говорили, что те видят в темноте словно кошки, но это было заблуждением. И потому Веззам поначалу не различал ни зги.

Он медленно двинулся по реке, вдоль берега, предоставлявшего собой сплошную скалу, гладкую и скользкую от сырости. Голоса за спиной давно стихли, и наёмник понял, что отплыл далеко от своих. Он упёрся руками в ещё одну скалу и озирался по сторонам, ища путь дальше.

Вода блеснула вдалеке слева, Веззам свернул туда. И, что было ещё интереснее, он увидел в той стороне свет.

– Ну-ка, посмотрим.

Он оттолкнулся от стены, тело уже привыкло к холоду и резало воду как нож. Оставалось молиться, чтобы не свело ноги судорогой.

Широкими гребками он плыл к свету и, наконец, попробовав понять вертикальное положение, обнаружил, что мог стоять на дне.

– Уже лучше.

Свет лился сверху – из дыры в каменном своде. Он поплыл к нему, и по мере того, как приближался, понял, что река мелела. Луч света выхватил из темноты кусок берега: на серой в блестящих прожилках скале кое-где даже лежал мелкий песок. Должно быть, река намыла, когда вода понималась.

Веззам выбрался, отжал намокшие патлы и, встав прямо под Дырой в своде, огляделся.

На стенах тоже были знаки – очень похожи на те, что нашёл Граувер возле зала. Значит, предки зачем-то отметили это место. У импровизированной стены лежали кости. Маленькие, детские. Возможно, когда-то в этот колодец провалился ребёнок и не смог выбраться. И следы, что вели к дыре в потолке. Судя по размеру, мужские.

– Вал? – выдохнул Сотник и едва не рухнул на песок от облегчения. – Неужели выбрался, сучий ты потрох?

Вал ненавидел его, Веззам отлично это знал. Ненавидел, винил в гибели Артанны. Веззам не смог управлять войском так, как это делала она. Парень был ещё юн. Возможно, со временем понял бы, что самому Веззаму приходилось ещё хуже. Но он уже не надеялся дожить до того момента, когда мальчика наконец-то осенит. И всё же этот мелкий паскудыш был его человеком. А это значило, что Веззаму следовало расшибиться в лепёшку, но помочь ему.

– Но, кажется, он уже помог себе сам.

Веззам подпрыгнул и в кои-то веки порадовался своему росту: он позволил ухватиться за край дыры. Подтянулся, крикнул, едва не пустил шептуна от напряжения, но смог вылезти на поверхность. Яркий дневной свет больно резанул глаза, Веззам откатился в сторону, зажав лицо ладонями. В спину неприятно упёрся острый камень.

Проморгавшись, он на всякий случай припал к камню и аккуратно выглянул.

– Ну и ну.

Он выбрался строго южнее замка, и, судя по течению бежавшей рядом реки, оказался на противоположном берегу от замка. Из-за холма тянулись к небу дымари костров – лагерь Эккехарда.

Веззам выпрямился и едва не поскользнулся на камнях.

– Чёрт!

Он оказался посреди нагромождения булыжников у скалистого холма. Маскировка входа под землю была что надо – пришлось даже оставить знак, чтобы не перепутать и не свалиться ненароком.

– Посмотрим, что там.

На полусогнутых он добрался до холма. Место было открытым – только низкие кустарники да вереск, а его, седого дылду, среди этой пасторали не заметил бы только слепой.

Наконец Веззам дошёл до холма, прополз до вершины и, спрятавшись за раскидистым можжевельником, принялся изучать лагерь Эккехарда.

– Дерьмо.

Они строили требушеты. Значит, всё же рассчитывали на штурм. Веззам почувствовал аромат горячей еды со стороны лагеря, живот аж скрутило, пришлось сплюнуть слюну. Он не ел со вчерашнего дня – отдал паёк захворавшему бойцу. И чутьё подсказывало Сотнику, что, если так пойдёт и дальше, требушеты Ламонту Эккехарду не понадобятся. Эллисдор и без того начинал погибать от голода и болезней.

Зато теперь они смогут незаметно отправить гонцов во все концы света – уже немало.

Но даже если бы посланник смог резво добраться на север и сообщить королю, не было ясно, как скоро у него получилось бы вернуться. Веззам всё больше убеждался, что Эллисдору

придётся рассчитывать лишь на себя. И раз так, было необходимо выиграть время. Сделать нечто, что затормозит армию Эккехарда или разрушит его планы.

Веззам ещё раз оглядел лагерь врага и хищно усмехнулся. Вывести горожан через подземный путь будет трудно, но его подготовленные бойцы преодолеют его без труда. А это значило, что теперь осаждённые могли позволить себе мелкие вылазки. Быть может, даже на территорию лагеря.

– Особенно на территорию лагеря, – задумчиво проговорил Сотник. – Интересно, как эрцканцлер отреагирует на то, что я предложу занять ценного пленника?

1.2 Миссолен

– Рано или поздно это должно было случиться, господа.

Демос наградил собравшихся тяжёлым взглядом, сжал массивный набалдашник трости и принялся расхаживать взад-вперёд по опустевшему залу.

«Но, как всегда, случилось в самый неподходящий момент».

Состав императорского Совета заметно поредел: те, кто не успел бежать из охваченного чумой города, либо заперлись в родовых домах-крепостях, либо погибли. Чумная дева не щадила никого, а выживали после её поцелуя немногие. Чудом выкарабкался Ильберт ду Лавар – казначей и единственный человек, в бескорыстной дружбе которого Демос был уверен. И не просто выкарабкался – почти сразу же приступил к работе. Повезло уберечься и лорд-проектору Анси. Миновала чума военмейстера Оффрона Аллантайна да брата Ласия. Впрочем, яйцеголового монаха-дознавателя, казалось, вообще не могла взять никакая зараза.

«Цвет нации. Гордость империи, – подумал Демос, оглядывая советников. – Кучка бесполезных болванов, включая меня самого».

Теперь, глядя на эту насмешку над императорской свитой, Демосу приходилось рассчитывать лишь на себя. А зал для собраний, некогда служивший демонстрацией величия могущественной страны, ныне выглядел заброшенным.

«Как, как можно противостоять целому моровому поветрию в одиночку? Даже если в тебе течёт кровь колдуна? Да и какой смысл в этой силе, если она не может никого спасти?»

Демос стёр пыль с ветви канделябра и повернулся к советникам.

– Где именно вспыхнул бунт? По какой причине?

– В квартале Святых сестёр, ваша светлость, – отозвался Анси. Демос в который раз поразился тому, что лорд-проектор даже сейчас находил возможность отбеливать манжеты да крахмалить воротники. Прочие советники, включая канцлера, давно перестали обращать внимание на одежду – всё равно её приходилось сжигать слишком часто.

– Значит, на востоке города, – отозвался Демос. – Неудивительно: квартал не самый благополучный. Что за повод?

– Хлеб, ваша светлость, – вмешался брат Ласий. – Оголодавшие люди напали на обоз с зерном для Эклузума.

«Трудно их винить».

Даже высшие чины начинали голодать: город оставался закрытым, работать толком было некому – большая часть слуг вымерла. Единственное место в столице, где всё ещё постоянно работали хлебные печи, сохранилось лишь в Эклузуме да при императорском дворце.

– Жертвы?

Брат Ласий откинулся на спинку жёсткого стула и скрестил руки на груди.

– Всё сопровождение обоза – монахи и охрана, – бесцветным голосом, словно то были не его братья, отозвался он. – Ещё два десятка горожан задавили при делёжке награбленного. И примерно полторы сотни жителей прилегающих к Эклузуму кварталов – во время погромов.

– Самые богатые районы.

– Да. Те, кто не смог уехать, – кивнул Анси.

«Те, кто ещё как-то мог нам помочь. Чёртов Альбумус, будь он трижды неладен».

Демос устало прикрыл глаза. Ноги снова скрутила судорога, и он попытался размять мышцы. От частого недоедания силы стали покидать его уже к середине дня.

– Прочий ущерб? – глухо спросил он.

Ильберт ду Лавар вяло перелистнул страницу конторской книги:

– Дома и лавки, пострадавшие от погромов. Имущество Эклузума. Досталось императорским садам – туда влезли горожане и ободрали все похожие на съедобные деревья.

«Жаль. Сады всегда меня радовали».

Лорд-протектор Анси жестом привлёк внимание Демоса:

– Куда сильнее меня беспокоит то, что у этих бунтующих есть лидер. И если раньше брат Альбумус оставался в тени, то сейчас открыто ведёт людей за собой.

– Он всё так же окружает себя щитом из невинных женщин и детей?

– Да. И дольше одного-двух дней на одном месте не задерживается. Это сильно усложняет дело. Ни отследить как следует, ни подобраться.

«Хоть что-то не меняется».

– Восстания и раньше вспыхивали в бедняцких районах, – добавил брат Ласий. – Но всё успокаивалось, когда бунтующим удавалось разжиться едой. В этот раз ситуация складывается иначе.

Демос удивлённо приподнял плешивую бровь.

– Я слушаю.

– Они требуют отдать им вас.

«Боюсь спросить, для чего».

– В каком смысле? – уточнил канцлер.

Лорд-протектор почти виновато развёл руки в стороны:

– Вы единственный представитель императора в городе. Бунтующие и брат Альбумус готовы говорить только с вами.

«Значит, всё же есть какие-то условия? Если они желают говорить, уже хорошо».

– Верно. Они отправили посланника. Он сидит в карантине, и вам небезопасно с ним разговаривать. Поэтому я записал требования бунтующих с его слов, – брат Ласий достал из-за пазухи свёрнутую в трубочку ленту с посланием и протянул Демосу. – Прошу, ваша светлость.

Слабеющей рукой Демос развернул записку.

«Требуют, чтобы вышел из дворца, встал лицом к лицу с Альбумусом и ответил за грехи Эклузума и всего двора. Каша какая-то».

– Намешали всего подряд, – заключил он и вернул записку монаху.

– Мой вам совет – не идите на поводу у бунтовщиков, – сказал Анси. – Мне думается, Альбумус хочет выманить вас, а озлобленная толпа вас в живых не оставит. После этого город окончательно лишится головы, а мятежный монах сможет захватить власть.

– Эклузум не желает оказать нам поддержку? – Демос покосился на Ласия. Тот пожал плечами.

– С тех пор как я у вас в фаворе, Великий наставник не посвящает меня в свои планы.

– Вот же ревнивый ублюдок.

– Согласен. Я попробую что-нибудь сделать, но уверен, что ворота Эклузум не откроет и хлебом не поделится.

«Словно Ладарий решил дожидаться, пока бунтовщики не сожрут меня заживо. По большому счёту я единственный, кто стоит на его пути к власти. Император – младенец, его мать-регентша – неврастеничка. И лишь я из раза в раз ему противостою. Изящная попытка, ваше святейшество».

– Я встречусь с ними, – наконец объявил Демос.

– Что?! – хором удивились Аллантайн и Лавар.

– Выйду. Поговорю с Альбумусом.

– Ваша светлость, это невозможно, – ответил Анси.

– Милорд канцлер, вы подвергнете себя огромному риску. Этого нельзя допустить.

– Вас растерзают, – всё так же спокойно заключил брат Ласий. – Этой толпе нужна кровь. Они винят в своих бедах церковников и дворян. А вы, лорд Демос, с вашей-то репутацией идеально подходите на роль козла отпущения. Брат Альбумус прекрасно понимает это и хочет дать толпе то, чего она так жаждет.

Демос криво улыбнулся. Вышло как всегда отвратительно – часть мышц на лице так и не заработала.

– У него не получится, – сказал он, подойдя к окну. Оттуда открывался вид на дворцовую площадь, где, казалось, собралась треть выживших горожан.

– Как вы себя чувствуете, ваша светлость? – резко спросил казначей. – Быть может, у вас жар?

«Бедняга, он и правда не понимает».

– Я в здравом уме, господа, – отозвался Демос и распахнул окно, впуская в полусонный зал вопли бушевавшей толпы. – Брат Ласий, помните, о чём просил меня ваш патрон, когда рассказывал о деяниях брата Альбумуса?

– Да. Он просил вас его уничтожить.

– И я наконец-то придумал, как это сделать. Всё равно дальше лишь смерть, – добавил Деватон. – Так почему бы не рискнуть?

1.3 Эксенгор

– Хранитель милостивый, неужто это Райнер Эккехард?

Стоявший в компании молодых рундских воинов белобрысый хайлигландец не успел и моргнуть – Кивер стиснул его в столь крепких объятиях, что из Райнера едва не вылез недавний завтрак.

– Ланге... Мог бы и догадаться, – прохрипел Эккехард.

Кивер наконец-то сжалился, разжал объятия, отступил на шаг и изучающе уставился на почётного заложника рундов.

– Гляжу, плен пошёл тебе на пользу, – улынулся он.

Рунды глядели на военачальника Грегора почти враждебно. Киверу подумалось, что стой они не посреди главной улицы Эксенгора, а где-нибудь на отшибе и ночью, живым он бы домой не вернулся. Слишком сильно было недоверие двух народов, слишком мало времени прошло. А иные и вовсе не желали признавать мира, над которым трудилось так много людей. Отчасти поэтому Кивер здесь и был.

Парень, которого он знал как заносчивого и, чего таить, мерзкого типа Райнера Эккехарда, изменился до неузнаваемости. Некогда напыщенностью его превосходил лишь старший брат Фридрих. Но сейчас посреди Эксенгора стоял совсем другой человек.

Пока Кивер приходил в себя от удивления, старый знакомый что-то сказал рундам на их наречии, жестом показал, что всё в порядке, и явно попросил оставить их с Ланге наедине. Северяне неохотно покивали и отошли в сторону, напоследок наградив Кивера суровыми взглядами.

– Как ты, Райнер? Как тебе... Здесь.

– Не жалуюсь, – пожал плечами заложник.

В былые времена Райнер Эккехард разразился бы длинной гневной тирадой. Так оно, собственно, и было, когда парню объявили о решении отправить его ценным заложником в Рундкар. Кивер тихо усмехнулся, вспоминая, что все Эккехарды тогда вопили как девки в бане. Но теперь Киверу казалось, что север примирил Райнера с самим собой: он похудел, окреп, отросшие бороду и волосы стал убирать их в затейливые косы на рундский манер. Глаза стали мудрее, а речи – короче. Да и рундские одежды отчего-то невероятно ему шли.

Лишь сейчас Кивер заметил, что на поясе у него висел боевой северный топор, а на руке красовался браслет с огненной яшмой – символ личной преданности вождю Магнусу.

– Значит, ты теперь в личной гвардии Огнебородого? – удивился товарищ. – Не думал, что они берут на службу южан.

– Ага. Стал десятником при нём. В Вевельстаде.

– Сам или заставили?

– Случайно. Нужно было как-то выживать. А потом внезапно понравилось.

– Круто ты изменился, вот что я скажу, – ухнул Кивер. – Мяса нарастил...

– Я и раньше не особо походил на столичную девицу.

– Между нами, – Кивер перешёл на шёпот, – ещё как походил. – Но бог с ним. Как же так вышло, что ты теперь почти северянин?

Райнер жестом пригласил друга пройтись.

– Поначалу никто не понимал всерьёз, – начал он. – Насмехались за спиной, держали почти что отдельно ото всех. Потом я всё же напросился на охоту – чай, занятие для благородных. По крайней мере, так считалось у нас. А там случайно совершил подвиг и спас магнусова сына. С тех пор мы побратались. И, если быть совсем откровенным, я бы предпочёл не возвращаться в Хайлигланд. Если Грегор позволит.

Кивер ден Ланге удивлённо таращился на человека, которого некогда считал самым скольким типом во всём окружении короля.

– Ну и ну, дружище, – всё ещё не веря глазам и ушам, протянул он. – Эту историю Грегор должен услышать собственными ушами! Он вроде немного отошёл от потерь и теперь даже посещает пиры.

Райнер улыбнулся:

– Услышит, ещё и устанет от рассказов. Я отчего-то нравлюсь вождю, и Магнус любит рассказывать о южанине, что перенял местные порядки.

Они шли вниз по оживлённой улице, Кивер то и дело оглядывался по сторонам, изучая местные строения. Народу было полно, и многие местные с искренней радостью приветствовали Эккехарда.

– Райнер.

– Ну?

– Мы не виделись полтора года. Неужели ты не спросишь об отце и брате?

– Нет, – только и ответил он. Но кивер не услышал в его голове ни ненависти, ни гнева.

– Всё ещё в обиде, что они отдали тебя в заложники?

Райнер печально усмехнулся, остановился на углу площади и, расправив плечи, взглянул на суетившийся рынок. Избегал смотреть киверу в глаза, словно опасался, что тот будет его осуждать. Но Кивер ден Ланге давно перестал осуждать людей, ибо сам перестал понимать, где в этой мешанине из интриг и политики осталось добро, а где – зло.

– Поначалу здорово злился, правда, – тихо сказал Райнер. – Но потом, когда лучше узнал этих людей, понял, что мне даже повезло. Магнусова дружина здорово повыбивала из меня дерьмо, вот что я скажу. И они сделали всё правильно. Лишь недавно я осознал, что, живя под влиянием отца и брата, выполняя их волю и приказы, не был собой. На самом деле мне никогда не были неинтересны их интриги, мне плевать на амбиции. – Он повернулся к киверу и впервые с момента встречи посмотрел на его прямо, уверенно, открыто. – Я хочу семью, Кивер. Настоящую, с простыми отношениями, а не дворянскими интригами. Хочу сам построить большой дом и корабль. И вместе с сыновьями доплыть до Эннии или даже южнее – как повезёт. Даже девица одна есть на примете.

Ланге надолго умолк, обдумывая услышанное.

– Удивляешь ты меня, Райнер Эккехард, – наконец сказал он. – Но я искренне за тебя рад.

– Здесь меня теперь зовут Райно Южный топор. Зарубил топором медведя. Прошу, не смейся, – смутился Райнер. – Вышло случайно. Что было под рукой, тем и отбивался. А они сложили об этом песню.

– Ну ты даёшь! Точно история для пира. Благо времени у нас полно: Грегор будет здесь, пока ваш великий сход не закончится.

– А мои здесь? – спросил Райнер.

– Нет. Лорд Ламонт был в отъезде, а Фридрих остался в Эккехарде.

Заложник резко побледнел.

– Скажи, а король давно покинул Хайлигланд?

Кивер пожал плечами.

– Ты же сам знаешь, сколько дней пути до дома. Больше луны...

– Кто остался в Эллисдоре? – хриплым шёпотом спросил Райнер. Он побледнел, с лица резко спали все краски.

– Эрцканцлер. Граувер. А что такое...

– О чёрт... Чёрт!

– Да что с тобой, парень? – не выдержал Кивер. – Что случилось-то?

Райнер оглянулся по сторонам и притянул друга к себе.

– Я не уверен, что прав, но ещё до отъезда кое-что слышал от отца, – прошептал он ему на ухо. – Возможно, я знаю нечто очень важное. Пожалуйста, устрой мне встречу с королём.

* * *

Огромный деревянный шатёр, хотя и был высотой с двух великанов, давил на Фастреда со всех сторон. Почти как в храме, где стремящиеся вверх своды и оконные проёмы заставляли человека ощущать себя ничтожеством по сравнению с великим божьим замыслом. Здесь, в шатре для Схода, Хранителя явно не было, зато оказалось невероятно много языческих украшений – канделябры и подсвечники из костей, черепа животных и людей на стенах, потолках и дверях, грубые защитные руны на каменной кладке огромного очага, вокруг которого собрались самые влиятельные люди севера. И с каждым проведённым здесь мгновением Фастреду становилось всё больше не по себе.

Стоя за спиной короля Грегора, брат-протектор исподлобья глядел на старейшин кланов. Пока что Сход больше походил на ребяческий поединок – кто кого переглядит. На Фастреда и его господ пялились с недоумением, ненавистью, возмущением. Хайлигландцы, в свою очередь, сидели с непроницаемыми лицами: в гостях следовало соблюдать приличия и не поддаваться на провокации. Да и союзника подводить не хотелось, особенно сейчас.

Впрочем, теперь Фастред окончательно понял, зачем Магнус пригласил Грегора в Эксенгор с войском.

Вся местность вокруг священного для северян города пестрела шатрами, а ночью было светло как днём от многочисленных костров. Здесь собралась, казалось, половина мира: до того было много северян. И все одевались, вели себя и даже говорили по-разному: Фастред старался запоминать основные отличия, чтобы ненароком не оскорбить кого-нибудь.

Особенно брату-протектору запомнился восточный клан мецев Айего и его глава: самая высокая старуха, какую он видел в жизни. Поговаривали, предки Айего в давным-давно смешивались с вагранийцами, оттуда и получили столь внушительный рост. Айга Ива – так звали главу клана – смерила хайлигландцев ледяным взглядом и уставилась на Магнуса:

– А южного королька-то зачем с собой притащил, а, Огнебородый? Неужто уже породнились? Хотя девка твоя, кажется, не прочь, – скрипуче хихикнула она, глянув на сидевшую подле Грегора Истерд. – Ишь как смотрит на этого Волдхарда!

– Айга, уймись, – спокойно ответил вождь. – Это наш союзник.

– Не-а, – старуха поправила сползшую с плеча тканую накидку с затейливым узором из разноцветных полос. Фастред отметил, что каждый клан ткал полотно с непохожими на другие цветами и орнаментами. Так можно было легко распознать своих и чужих. Удобно. – Это твой союзник. Сход ведь и собрался потому, что нам твои новые друзья не нравятся.

Собравшиеся перестали шуметь, устремив глаза на Айгу. Старуха-мецка поднялась, опираясь на резной посох, и вышла к возвышению у очага.

– Я говорю не только от имени клана Айего. Не только лишь от народа мецев. Я говорю от имени всякого, кому не нравится путь, которым ты ведёшь нас, Магнус Огнебородый. Было время, когда ты правил мудро и мудрость твоя нас всех объединила. Но ты совершил большую ошибку – заключил союз с Хайлигландом, не спросив нашего мнения. – Фастред заметил, что многие из сидевших вокруг очага закивали. – Ты проявил неуважение, Магнус. Поставил себя выше нас. Быстро же ты забыл, что, соглашаясь на дружбу с тобой, мы договорились, что ты всегда будешь спрашивать нашего совета и будешь первым среди равных. – Айга Ива остановилась напротив трона Магнуса и со всей силы воткнула посох в землю. – Ты оскорбил мой народ, Огнебородый. Мира не жди.

– Действительно, они весьма своенравны.

Фастред вопросительно глянул на брата Аристида. Патрон наклонился к его уху:

– Не стоит волноваться, друг мой, – безмятежно улыбаясь, ответил монах. – Мецы нам не страшны.

Фастред не был в этом так уверен.

– Насколько мне известно, король и вождь иного мнения.

– Они ошибаются.

– Поделитесь, святой брат?

– Рано, друг мой, – отмахнулся Аристид. – Вскоре вы сами всё увидите. Поглядите на них – до сих пор наивно верят, что вольны выбирать свой путь. Думают, что сами куют свои судьбы.

Брат Аристид отошёл назад, скрывшись в тени шатра и поманил Фастреда к себе. Тот послушался. Тем временем Айга Ива разбушевалась не на шутку – всё говорила и говорила голосом скрипучим, как старое седло. А прочие мецы вторили ей, словно настоящему вождю.

– Помолчи! – не выдержал Огнебородый. – Старая же баба, а вопишь, как девка – никакого почтения к собственному возрасту.

Ворча, он покинул тронобразный стул, дошёл до места, куда мецка воткнула свой посох, с усилием вытащил его из земли и протянул старухе.

– На священной земле Эксенгора всегда будет мир. Пока из подножья Фатира и Норнфы исходит ручей великой реки, пока спят гора-отец и гора-мать, ни один северянин не посмеет бросить другому вызов здесь, – напомнил Магнус. – Возьми свой посох и умерь пыл, Айга. Некоторые решения приходится принимать быстро, – спокойно, без гнева, проговорил он. – Ты увела свой клан почти к самому Освендису и не оставила в Вевельстаде гонца из своего племени, который смог быстро вас найти. А медлить я не мог. Честно тебе скажу: вряд ли моё решение бы изменилось, будь ты тогда при мне на совете. Но тогда, быть может, я смог бы убедить тебя.

– Это вряд ли, Огнебородый, – процедила мецка.

– Так это правда, Айга? – крепкий бородатый мец в цветах другого клана вышел к очагу и указал на старуху. – Ты не оставила гонца в Вевельстаде?

Глава Айего молчала.

– Значит, ты первой нарушила уговор? – не отставал мец.

– Да, Хирто! – раздражённо бросила Айга. – Да, не оставила. Да, нарушила! Потому что знала – он всё равно не позовёт нас!

Магнус спрятал печальную улыбку в рыжей бороде и аккуратно тронул старуху за плечо:

– Ты ошиблась, Айга. Я действительно отправлял своего гонца в ваши земли. Да только он вернулся с вестями, что ты увела народ на восток. Выходит, я нарушил уговор потому, что первой его нарушила ты. Вот тебе наука: хочешь, чтобы у тебя спрашивали совета – сделай так, чтобы вопрос до тебя дошёл.

– Позор! – выкрикнул человек, звавшийся Хирто. – Ты обманула нас! Ты говорила, что оставила человека в Вевельстаде!

– Другого вождя мецам! – призвали из-за его спины.

– Верно! Избрать другого!

– Тихо! – пророкотал Магнус, и гвалт резко утих. – Айга ошиблась, но она хотела вас защитить. Она не верила мне, ибо её учили не верить тем, кто водит дружбу с южанами. И она поступила так, как считала правильным. И не мне её судить. Если желаете нового вождя, прежде спросите у богов, что они думают, благо вы сейчас ближе к ним, чем кто-либо, – предложил он, воздев глаза к потолку. – Принесите жертву, совершите ритуал, спросите совета – мы как раз выходим на Фатир завтра. Отложите споры на время, возьмись за топоры всегда успеете. А уж если захотите взяться за оружие, то идите ко мне, ибо я вступил в союз с хайлигландцами, чтобы вместе дойти до империи. То будет величайшая война – и мы в ней победим.

– Большая война? – робко спросил кто-то у очага – Фастред не разглядел, ослеплённый ярким пламенем огня. Но голос был женским. – Снова... Ты обещал нам мир, Магнус.

Огнебородый понимающе кивнул.

– Чтобы обрести мир и покой, сначала придётся повоевать, – сказал он. – Завтра я тоже пойду просить совета у богов. А ты, король Грегор, – он обернулся к хайлигландцам, – поезжай на охоту, пока мы молимся и общаемся с богами. Как раз на несколько дней. И Истерд бери, она любит походить с рогатиной. Мой дружинник уже всё устроил. Эй, Райно! Ты же все приготовил?

Райнер Эккехард вышел из тени трона.

– Да, вождь!

Фастред заметил, что лицо короля вытянулось от удивления.

– Эккехард? Это ты?

– Да, ваше величество, – поклонился почётный пленник. – Мне нужно многое вам рассказать.

– А сейчас, – Магнус вскинул руки, отчего многочисленные браслеты на его руках весело зазвенели, – Пир и мир! Ну-ка, выкатывайтесь отсюда, добрые люди – бараны на вертелах сами себя не съедят.

Аристид не шелохнулся. Фастред заметил, что патрон едва шевелил губами, но уловил лишь одну фразу.

– Торг с мертвецами? – удивлённо переспросил он.

– У вагранийцев есть такое выражение, – пояснил Аристид. – Торг с мертвецами означает ситуацию, когда человек прилагает большие усилия, чтобы достичь чего-то, но старается напрасно.

– Я не понимаю...

– Эти северяне. Грызутся напрасно. Им не избежать божьей воли. Завтра они пройдут проводить свои языческие обряды на гору Фатир. Но, если я трактовал знаки верно, многие не вернуться.

Фастред встрепенулся.

– Знаки? Святой брат, леди Истерд раскладывала руны и тоже видела знаки. Говорила про опасность, землю и кровь. Или кровь из земли. Я не особенно слушал, но...

– О, так наша дева обладает даром провидения? – заинтересовался Аристид. – Интересно. Пойдёмте же пировать, друг мой. Путникам иногда можно нарушить пост.

Фастред остановился, не дав монаху увести себя.

– Мы должны предупредить вождей!

Аристид даже не обернулся.

– Нет.

– Но почему? Если многие не вернуться, то...

Монах устало вздохнул, повернулся к Фастреду и уставился тому прямо в глаза:

– Успокойтесь, брат Фастред. Хранитель милосерден, но порой даже он допускает жестокие события, ибо лишь познав жестокость мира, можно понять ценность божьей любви. Те, кто не вернуться, все равно не смогли бы принять нашего господина и реалий нового мира. – Он бережно взял руки Фастреда в свои и безмятежно улыбнулся. – Прошу, не смейте никому говорить о том, что сегодня узнали, иначе господь обрушит гнев и на вас.

1.4 Турфало

Вала трясло от волнения. При других обстоятельствах он наверняка свернул бы шею, рассматривая великолепное убранство дворца правителей Гацоны – позолоту и мрамор, статуи и вазы из цветного камня, невообразимой красоты витражи и картины придворных мастеров. Но сейчас, стоя в поклоне перед самими кронпринцем Умбердо и его супругой мог лишь робко глядеть под ноги.

Принцесса Рейнхильда наплевала на этикет и спустилась к Валу под суровые взгляды церемониймейстеров и озабоченные охи служанок: длинный шлейф слишком яркого для хайлигландской внешности платья едва не завернулся вокруг её ног, так что принцессе пришлось подхватить его руками и открыть взору окружающих щиколотки и бархатные башмаки. Судя по реакции придворных, жест сочли вульгарным, но хайлигландке до этого не было дела. Наоборот – Вал заметил, как её губы тронула лёгкая улыбка – казалось, Рейнхильде нравилось провоцировать местное общество. Когда она приблизилась, беглец склонился ещё ниже – так, что полы замызанной в дороге ливреи легли на жутко скользкий мраморный пол.

– Как тебя зовут, гонец? – по-хайлигландски спросила принцесса.

– Валериано, ваше... высочество?

Рейнхильда хмыкнула и подала ему руку, приглашая выпрямиться.

– В следующий раз, когда задумаешь прикинуться королевским гонцом, выучи титулы дворян, – подмигнув, шепнула она. – Это едва ли первое, чем учат слуг знати. Но ты ведь не стал бы лгать без веской причины, верно?

Вал кивнул:

– Я действительно из замка Эллисдора, хотя не гонец. У меня важные новости. Пришлось переодеться, чтобы добраться до Турфало побыстрее: королевским гонцам на постоянных дворах меняют лошадей, – шёпотом тараторил он. – Дело государственной важности, уверяю вас.

Рейнхильда резко посерьёзнела.

– Понятно. Здесь молчи и оставайся гонцом, кем бы ты ни был на самом деле. То, что ты сделал, считается серьёзным преступлением. Но если сведения и правда важные, я закрою на это глаза. Понял?

– Да, ваше высочество.

Ровный и хорошо поставленный голос принцессы успокаивал его, хотя Вал заметил, что при упоминании новостей из дома женщина внутренне напряглась. Но здесь, при дворе, видимо, появление эмоций считалось непозволительной слабостью.

– Любовь моя, я чувствую себя уязвимым, когда ты говоришь на языке, которого я не знаю, – вмешался Умбердо. – Вы не могли бы перейти на имперское наречие?

– Я говорю по-гацонски, ваше высочество, – не растерялся Вал и снова поклонился до земли – понял, что в Гацоне было принято расшаркиваться перед сильными мира сего на каждом шагу. – Я прибыл с новостями из Эллисдора.

– Какими?

Вал глубоко вдохнул и выдохнул, призывая остатки самообладания.

– Город взят в осаду войсками мятежного герцога Ламонта Эккехарда, – отчеканил он, продолжая играть роль гонца, хотя при упоминании о последствиях осады ему едва не скрутило желудок. – Мятежник заручился поддержкой Эклузум, получил благословение на трон, провозгласил себя истинным королём Хайлигланда и осадил столицу. – Он склонил голову, стараясь не глядеть никому в глаза. – Я обращаюсь к вашему высочеству от имени эрцканцлера Альдора ден Граувера. Эллисдор просит военной помощи.

Вал искоса видел, как побледнела Рейнхильда, как спали краски и ее чуть тронутого золотом солнца лица.

– А что же король Грегор? – кронпринц подался вперёд, внимательно рассматривая гонца.

– Его величество сейчас в Рундкаре и не сможет прибыть быстро. Я обращаюсь к принцессе Рейнхильде с просьбой о помощи, ибо она – единственный Волдхард, кроме короля.

Умбердо снисходительно усмехнулся.

– Боюсь, моя супруга отныне принадлежит Дому Аро и в первую очередь заботится об интересах своей новой семьи, – возразил он. Рейнхильда открыла было рот, но он жестом велел ей замолчать. – Гацона обещала соблюдать нейтралитет в конфликте Хайлигланда и империи. Увы, мы ничем не сможем помочь.

– Но... – Вал почувствовал, как в горле встал ком. Резко стало душно и нечем дышать. Ноги и руки ослабели. Неужели...

– Не дерзите, юноша! Кто, во имя всего святого, учил вас манерам и допустил до королей? – возмутился кронпринц. – Гацона уже помогла вашей стране, рискуя навлечь на себя гнев империи и Эклузума. Мы поделились с вами зерном, когда вы умирали от голода. Затем ещё и ещё. Мы закрыли глаза на ваш союз с варварами. Мы даже не расторгли помолвку с сестрой еретика, хотя весь цивилизованный мир требовал этого! – он бросил свирепый взгляд на жену, и Вал с удивлением отметил, сколько ненависти было в её глазах. Глазах загнанной в угол волчицы. – Гацона не сможет помочь Хайлигланду в снятии осады с Эллисдора, это окончательный ответ. Отправить караван с провиантом – в наших силах. Но не войска.

Умбердо встал, расправил полы туники спустился к выходу:

– Аудиенция окончена, – бросил он из-за спины.

Едва за кронпринцем закрылись позолоченные двери, Рейнхильда вскочила с кресла.

– Оставьте нас. Немедленно! – приказала она слугам. – Ну, живо!

Придворные неохотно подчинились. Оставшись наедине с Валом, принцесса наконец дала волю чувствам – закрыла глаза, прислонилась спиной к отполированной колонне и сползла на пол – Валу даже пришлось её подхватить и усадить на скамью подле открытого окна.

– Кто ты на самом деле? – хрипло спросила женщина.

– Наёмник из Гивойской «Сотни», ваше высочество. Войско из вольного города Гивоя. Меня и правда зовут Валериано. Мы служим вашему брату и остались охранять город, когда его величество уехал в Рундкар. Мне удалось выбраться, когда началась осада. – Он рухнул на колени перед Рейнхильдой. – Молю, простите мой обман! Но простого наёмника к вам бы не пустили, а я должен был убедиться, что новости до вас дойдут.

– Ты молодец, Валериано. Я благодарна тебе. Скажи, а Альдор... Эрцканцлер там, в замке?

– Да, руководит обороной.

– Проклятье. – Рейнхильда достала из поясной сумки золотую монету и вручила Валу. – Вот тебе за труды. Я попробую уговорить супруга что-нибудь предпринять. Или разберусь с этим сама. По крайней мере, попытаюсь. Когда вернёшься в Эллисдор, передай эрцканцлеру мою клятву в вечной дружбе. Я всегда была Волдхардом и им останусь.

Она ласково, почти мечтательно, прикоснулась к скромной подвеске с серебряным диском.

– Спасибо, моя госпожа, – отозвался Вал. – Я обязательно вернусь в Эллисдор, но сначала заеду проведать близкого человека. Успел отправить невесту из города перед осадой, а затем нас заперли. Хочу найти её и убедиться, что она в порядке.

– О, да ты почти как герой романов про рыцарей, – усмехнулась Рейнхильда, сняла с лифа небольшую брошь в виде усыпанной камнями розы и вложила в ладонь Вала. – Передай это своей невесте от меня. Надеюсь, ей пойдёт.

Вал охнул.

– Это очень ценный дар...

– То, что ты сделал, гораздо важнее. – Она поднялась со скамьи, отряхнула подол багрово-ржавого, словно старая кровь, платья и вернула лицу непроницаемое выражение. – Передохни и уезжай, Валериано. Теперь здесь станет совсем опасно.

– А вы?

– За меня не переживай. Я быстро учусь у супруга.

* * *

– Наденьте это, пожалуйста, – приказал Умбердо и бросил на подушку перед Рейнхильдой свёрток. – Сегодня я останусь в вашей опочивальне. Вам нужно принять подобающий вид.

– Как дражайшему супругу будет угодно, – процедила хайлигландка.

Рейнхильда ждала каждого совместного ночлега с кронпринцем как пытки. Сколько ни пыталась она подготовиться, каждый раз Умбердо неприятно её удивлял, придумывая забавы, которым монахини знатных девиц не учили. И никто не готовил ее к тому, что порой мужа предпочитали общество мужчин не только на охоте, но и в постели. При дворе на особенностях Умбердо закрывали глаза до тех пор, пока это обстоятельство не мешало интересам страны.

Беда была в том, что как раз интересы страны начинали страдать: уже несколько лун от Рейнхильды ждали вестей о грядущих наследниках, но ей было нечем радовать венценосного свёкра.

– Нравится? – будничным тоном спросил кронпринц, когда она развернула подарок. – Шили на вас.

– Главное, чтобы нравилось вам, – ответила хайлигландка, покорно стаскивая ночную рубаху. Она шла на это унижение лишь затем, чтобы помочь родному дому – так она себя убеждала. Быть может, удайся ей ублажить Умбердо, тот стал бы более сговорчивым в отношении помощи Эллисдору.

Каждый раз, когда супруг приходил к ней в опочивальню, он заставлял её надевать мужскую одежду и брал сзади. Чаще всего они оставались не одни: у кронпринца хоть что-то получалось, только если он смотрел на обнажённых юношей. Порой им приходилось вмешиваться само соитие и помогать. Радовало лишь то, что позже эти юноши загадочным образом исчезали, и позор знатной семьи был не столь явным.

Однако вопреки всем усилиям Рейнхильда так и не понесла, хотя лунные дни приходили к ней регулярно, а врачи не ставили под сомнение её способность воспроизвести потомство. Но обвинять мужей в бесплодии в Гацоне было не принято.

– Сегодня мы одни? – Рейнхильда зашнуровала штаны, заправила в них рубаху и надела сапоги. На плечи накинула камзол да так и оставила не застёгнутым – всё равно стал бы мешать, когда всё начнется.

Кронпринц бросил на неё оценивающий взгляд и удовлетворённо хмыкнул. Видимо, остался доволен тем, что получилось. Рейнхильда покосилась на своё отражение в зеркале и тяжело вздохнула: следовало признать, в мужской одежде было удобнее, да и двигаться она могла свободнее. В этом простом мужском наряде она выглядела даже мужественнее самого Умбердо с его причёсками, жемчужной пудрой на щеках, тонкими пальцами в перстнях и кучей украшений на одежде. И оттого всё, что она делала, казалось ей неуместным, неправильным, отвратительным.

– Нас навестит мой новый друг, – ответил Умбердо и, глянув в зеркало, пригладил чуть растрепавшиеся напомаженные волосы. – Его зовут...

– Мне безразлично, – отрезала Рейнхильда и, подойдя к Умбердо вплотную, сняла парик, обнажив коротко стриженные под солдата волосы. – Если к концу лета я не понесу, ваш отец наверняка аннулирует брак. Вряд ли это в ваших интересах.

– О да. – Кронпринц прикоснулся к волосам супруги, запустил пятерню, пропустил сквозь пальцы и резко отвернулся. – Я ценю ваши старания и благодарен за всё, что вы вынуждены делать и переживать. – Рейнхильда с удивлением отметила, что супруг, кажется, говорил искренне. – Знаю, вы считаете меня божьей ошибкой и чудовищем. Возможно, это так, и я ничего не могу изменить, а вам придётся с этим примириться. Не родись я наследником, было бы проще.

– Мне было бы куда проще, не родись я сестрой Грегора Волдхарда, – пожалла плечами она. – Но браки заключаются на небесах, а значит, выбора у нас нет. И всё же я осмелюсь попросить вас об ответной услуге.

Умбердо обернулся.

– Я слушаю.

– Эллисдор. Это мой родной дом, ваше высочество. Я не отрекись от него в час опасности.

– Не могу, – кронпринц попятился назад и отвёл глаза.

– Почему? – Почувствовав откуда-то взявшуюся уверенность, Рейнхильда снова приблизилась к супругу, не давая тому отступить. – Я ваша законная жена и уже прошла с вами через вещи, о которых в брачной клятве не говорилось. И я всё ещё с вами. Обещаю, я перестану вам докучать, если причина по-настоящему важная.

Умбердо жестом пригласил её сесть на кровать и налил себе вина.

– Великий наставник, – промочив горло, сказал он. – Ладарий знает, кто я и каков мой грех. Он обещал не использовать это против меня, пока я послушен его воле. В противном случае объявит меня мужеложцем, публично осудит и отлучит от церкви! А Гациона не Хайлигланд, у нас народ очень привязан к Эклузуму. Великого наставника почитают едва ли не выше самого короля! И если меня отлучат, я потеряю право наследовать отцу.

Рейнхильда понимающе кивнула.

– И тогда наследницей станет ваша сестра.

– Которая замужем за Горелым лордом.

– А империя станет ещё ближе... – задумчиво произнесла хайлигландка.

Умбердо взял её крупные ладони в изящные свои.

– Вы очень симпатичны мне как человек, леди Рейнхильда. При других обстоятельствах, быть может, я бы даже смог вас полюбить, но...

– Против природы не пойдёшь.

– Да.

– Ничего, я понимаю и не жду от вас ничего сверх того, что вы можете дать. И обещаю молчать.

– Благодарю, – кронпринц прикоснулся губами к ладони супруги. – Я сделаю всё, чтобы не опозорить ваше имя.

– Наше имя. Теперь – наше, – поправила Рейнхильда и подняла глаза на мужа. – Вы не сможете оказать помощь Эллисдору от себя лично и от имени Гациона, но могу ли я сделать это от своего имени?

Умбердо умолк, обдумывая вопрос.

– Только не ресурсами страны, – наконец ответил он.

– Но всё же могу?

– Полагаю, да.

– И если я решу это сделать, вы клянётесь, что не помешаете мне?

– Клянусь, – с готовностью кивнул кронпринц. – Только постарайтесь не злить Эклузум.

– С этим будет сложно, но ваше имя я постараюсь не запятнать.

– Наше имя, – вернул ей шутку Умбердо и печально улыбнулся. – Теперь – наше.

Рейнхильда встала и сделала неуклюжий реверанс, который смотрелся ещё нелепее из-за её облика.

– Отлично. Благодарю, мой принц. Теперь зовите вашего нового друга. Я готова.

Не снимая сапог, она расшнуровала штаны и встала на четвереньки, так, что могла частично видеть происходящее в зеркале, но старалась не смотреть. Увидела их гостя лишь мельком – тонкокостный, белокурый, обнажённый. Всё, как любил Умбердо. Посчитав, что увидела достаточно, Рейнхильда постаралась отстраниться от происходящего. Для того, чтобы вынести это, ей тоже приходилось прибегать к помощи. Но в её распоряжении были лишь воспоминания да воображение, и каждый раз, когда Умбердо начинал свои потуги, она закрывала глаза и представляла на его месте совершенно другого человека.

Того, кто остался в осаждённом Эллисдоре.

1.5 Варшун

– Никогда не видела Варшуна с этой стороны. – Артанна наслаждалась открывшимся видом на порт. – Хотя кого я обманываю? До сегодняшнего дня я вообще никогда не была в Варшуне.

Симуз поморщился, когда корабль подпрыгнул на очередной волне, и покосился на Сотницу. Та по привычке завернулась в слегка промокший от брызг плащ, хотя не мёрзла. Было душно и влажно – сказывался знаменитый ваганийский климат. И от этой духоты Симузу становилось ещё хреновее.

– Одно могу сказать: что бы ни было дальше, это цветочки по сравнению с морским путешествием. О-о-ох, прости! – процедил он и перегнулся через перила.

Артанна отошла на пару шагов, тактично оставив Медяка выворачивать желудок. Морская болезнь выжала из него все соки. Когда позывы утихли, эмиссар привалился к мачте, достал флягу с водой и прополоскал рот.

– Как же я рад, что это путешествие наконец-то заканчивается.

Ваганийка усмехнулась и достала из поясной сумки тонкий ломоть солонины:

– Держи, это немного поможет. Только попробуй заблевать палубу во время моего триумфального возвращения домой.

Симуз с благодарностью кивнул и отправил жутко солёное мясо в рот.

– Триумфального не жди. Пока что придётся скрываться, – прожевав, сказал он.

– Сможем ли мы вернуться в Эннию – вот что меня заботит.

Артанна внимательно изучала на раскинувшийся перед ними порт. Варшун оказался настолько огромным, что занял не только обдирную бухту, но и напознал на тёмные, почти чёрные от густых еловых лесов скалы. И хотя народу и денег здесь явно было полно, вид у второго по величине города Ваг Рана всё ещё оставался недружелюбным.

– Нужно вернуться, – помолчав, ответил эмиссар. – Я должен.

– Ага. Тебя ждёт Десари. Меня – никто. Даже если всё получится, что... Дальше?

Медяк вытащил застрявший в зубах кусок мяса и стряхнул на палубу.

– Если надоест скакать по баррикадам, ты всегда можешь сделать это место своим домом, – сказал он.

– Это и так наш дом. – Артанна и Симуз обернулись, услышав за спиной голос Рошаны. Мать Феша вздохнула полной грудью и улыбнулась, устремив взор на порт. – Я хорошо здесь всё помню. И рада вернуться. Боже, как давно это было...

Артанна пожала плечами и ничего не ответила. Симуз догадывался, что возвращение на родину нисколько её не воодушевляло, но был благодарен ей за стойкость. В последнее время Толл и правда держалась молодцом – не в пример самой себе, когда оказалась в Ваг Ране в прошлый раз. Утрата всего, что было ей дорого, всё же выковала из Артанна нар Толл достойного человека.

– Легенду помните? – перевёл он тему, чувствуя напряжение Сотницы.

Рошана кивнула.

– Конечно. Ты торговец из Луджидды. Мы – семья твоего старого партнёра, перенимаем дело после его смерти.

– Так себе легенда, – проворчала Артанна. – Развалится, как только нам попадётся по настоящему осведомленный купец или проверяльщик.

Симуз отмахнулся:

– Я лично знаю несколько изгнанных с родины ваганийцев, которым удалось неплохо подняться в торговле на юге. А Грош эйн Кресх действительно существовал и погиб в стычке с пиратами на Тирлазанских островах. Правда, его семья мирно живёт в Даджирате, да кто

станет проверять... – он обернулся к Артанне. – Главное, чтобы не задавали вопросов в порту, а дальше будет проще. Нас должны встретить.

– Вспомнишь муху – вот и куча, – отозвалась Сотница, глядя куда-то за спину Медяка.

Эмиссар проследил за направлением её взгляда и хмыкнул. К кораблю, покачиваясь на пронзительно изумрудных волнах, шли три лодки: одна с ваганийскими проверяльщиками, две прочие были пусты – лишь по одному человеку на вёслах. Когда лодки подошли ближе, Симуз узнал в одной из посудин Хариза.

– Ну, теперь точно будет проще, – сказал он скорее для того, чтобы успокоить себя. Желудок снова скрутило, но теперь блевать было непозволительно.

Он обменялся со старым другом кивками и сделал Артанне с родичами знак спускаться.

– Наш старый знакомый, – вспомнила Артанна, помахав рукой Харизу. – Значит, ты так и не вытащил его отсюда. А ведь обещал.

– Эсмий не захотел. А теперь я не знаю, выберусь ли отсюда сам.

– Сколько же в вас преданности тем, кого вы ненавидите, не перестаю удивляться.

– Эта преданность всегда на чём-то держится, – ответил Симуз. – Идеиных в Магистрате мало. Там есть крючки для каждого. Шевелитесь, нужно добраться до места встречи до заката.

Артанна сбросила мешок с пожитками в лодку Хариза, принялась поспешно спускаться по верёвочной лестнице. В глубине души соглашалась с Медяком: даже её зацепили. Но не страхом, а возможностью отомстить. Но всё чаще задавалась вопросом, станет ли ей легче после свершения этой мести? Что останется после этого? И будет ли в её существовании хоть какой-то смысл, кроме осуществления замыслов Магистрата? Чем чем, а уж быть оружием в руках старика Эсмия она хотела быть меньше всего.

Рошану и Фештана спустили на другую лодку, следом к Артанне присоединился Симуз.

– Здравствуй, друг, – обратился Хариз и ткнул пальцем на посудину с поверяльщиками. – Там мои, всё улажено.

– Не сомневался. Здравствуй. – Симуз быстро обнял сослуживца и вопросительно кивнул на вёсла. – Помочь?

Хариз широко улыбнулся, обнажив удивительно белые зубы.

– Ты себя в зеркале видел? – фыркнул наблюдатель. – Зелёный же, как та вода, по которой приплыл. Отдыхай, друг. Я помню, что море тебя не любит. А ты, – он обернулся к Артанне и дал второй набор вёсел, – за работу. В Варшуне вам лучше не светиться, остановимся в соседней деревушке. Там нас уже ждут.

* * *

Артанне ещё не доводилось бывать в ваганийской деревенской таверне, но, оказавшись внутри, она поняла, что упустила немного. Длинные тяжёлые столы, деревянные лавки и грубые табукеты, недружелюбные девицы в засаленных передниках. Но пахло дивно, особенно после утомительного путешествия с одними лишь сухарями да солониной в меню.

Посетителей было немного, и владелец заведения – хмурый ваганиец с косою до пояса – сам вышел к гостям. Хариз обменялся с ним парой фраз, и тот молча провёл гостей наверх показывать приготовленные для них покои. Роскошью здесь и не пахло – это понравилось Артанне и явно не привело в восторг Рошану и Феша. Отвыкли от простоты дорожных нравов в неге магистерского дворца. Сотница же получала настоящее удовольствие, оказавшись в привычной простой обстановке. И пусть близость свободы была иллюзорной, это всё же грело душу.

– Я Шельг, всем здесь заправляю. Вот комната для женщин, покои для мужчин – за этой дверью, – хозяин ткнул длинным узловатым пальцем на распахнутую дверь. – Вход запира-

ется на засов. Место для сундуков есть. Во дворе баня для постояльцев, топим каждый день по вечерам. Женщины могут нанять служанок.

Ваграницец говорил отрывисто, сухо, точно ворон каркал. Артанна заметила, что он был напряжён и пялился на неё исподтишка. Незаметно она проверила кинжал на поясе – постоянные дворы и так были полны сюрпризов, а уж нынче и вовсе следовало подозревать каждую осину.

– Тащи господские вещи, – приказал хозяин юной, ещё не поседевшей, девице и пинком захлопнул за ней дверь.

А, оказавшись наедине с гостями, подошёл к Артанне и рухнул перед ней на колени:

– Госпожа!

Сотница отскочила, выхватила кинжал и выставила перед собой. – Ты что делаешь, мать твою?

– Слухи не лгут! Толлы живы! – Шельг протянул руки и коснулся браслета на запястье Артанни. – Я с радостью отдам жизнь за врага Шано Данша. Мы так ждали вас, госпожа!

Артанна поперхнулась от неожиданности и едва удержалась, чтобы не стряхнуть с себя руки ваграницейца.

– Объясни, что здесь происходит, пожалуйста, – обратилась она к Медяку, краем глаза отметив, что лица Рошаны и Феша тоже вытянулись от удивления.

– Здесь тебя считают не то героиней, не то мученицей.

– Арзиматова дырка, за что?

– Ваш Дом первым пострадал от Заливара нар Данша, а вы первая бросили ему вызов. Все считали вас погибшей от его руки, но в последнее время пошли толки, что вы выжили и скоро вернётесь, чтобы отомстить. Люди говорят об этом всюду, даже на стенах пишут призывы к борьбе. Люди уже поднимали несколько восстаний против Данша, но предводителя не было. Мы все ждали вашего возвращения, чтобы вы возглавили нас.

Артанна покосилась на эмиссара.

– О таком мы не договаривались, – беззвучно прошептала она. Медяк развёл руки в стороны и пожал плечами – дескать, сам не ожидал.

Шельг поднялся и поклонился родичам Артанни:

– Вы, должно быть, Рошана и Фештан. О вас тоже много говорят. Господина Фештана считают божьим подарком – ведь он родился уже после гибели глав Дома. Это большая честь для меня.

Феш неуверенно кивнул. Его мать сдержанно улыбнулась и спрятала руки под накидку.

– Шельг, пожалуйста, распорядись приготовить для нас перины и обед, – попросил Хариз. – И распорядись, чтобы нам не мешали.

– Конечно!

Ваграницец снова низко поклонился Толлам и попятился к двери, не отрывая благоговейного взгляда от гостей.

– Здесь вы можете говорить открыто. Вас никто не побеспокоит.

Когда хозяин удалился, Хариз расстелил на столе карту Ваг Рана.

– Лучшая из тех, что можно найти, – с гордостью проговорил он. – Пожалуйста, подойдите ближе и слушайте меня внимательно.

Гости обступили стол, Симуз встал по правую руку от Хариза. Артанна прищурилась, разглядывая множество деталей. Здесь была довольно полная карта всей страны – Сотница быстро сориентировалась.

– Вам придётся разделиться, – Хариз закатал рукава рубахи и поместил мясистый палец на карту. – Сейчас мы здесь, до Рантай-Толла отсюда дня три-четыре вверх по реке. Господа Рошана и Фештан тайно отправятся в столицу.

– А мы? – удивилась Артанна. – Мне казалось, мы должны держаться вместе.

– Для вас с Симузом есть другое задание. – Хариз поднял глаза на собравшихся. – Помните легенду о завещании Первых Шано? Скрижалих, на которых высечены истинные заветы.

– И которые стали причиной гибели нашего Дома.

– Верно.

– Они утрачены, – напомнила Рошана.

Хариз кивнул.

– Долгое время все так считали – Шано Гириштан так и не выдал их местонахождение.

Но, кажется, мы нашли место тайника.

Артанна с сомнением уставилась на эннийца:

– Если вы их нашли, то зачем там мы с Медяком? Уверена, у вас куда больше возможностей.

Наблюдатель слабо улыбнулся.

– Затем, что тайник, если это именно тот тайник, о котором мы думаем, находится вот здесь. – Он провёл линию на северо-запад, над Асешем, и упёрся в подножье Вагранийского хребта. – А вы, Артанна, должно быть, прекрасно знаете это место.

Сотница оторопела.

– Именно там? – уточнила она. – Вы ничего не напутали?

– Нет.

– Да, я знаю это место, – севшим голосом подтвердила вагранийка.

Феш оживился.

– Что же там?

Артанна с опаской прикоснулась к точке на карте.

– Я жила там, пока меня не отправили в Хайлигланд. Твой дед поначалу не планировал отдавать меня замуж за Волдхарда, поэтому я жила в глуши, готовясь к обряду инициации. Испытанию. Многие Дома это практиковали. – Она печально улыбнулась, погрузившись в воспоминания о детстве. – Вышло так, что это единственное место в Ваг Ране, которое я знаю хорошо. Удивительно.

– Значит, вы не против отправиться в небольшую экспедицию? – уточнил наблюдатель.

– В свете новых обстоятельств – конечно.

– Симуз отправится с вами.

– Не сомневалась.

– Но что делать нам в Рантай-Толле? – вмешалась Рошана. – Кто будет с нами? Где нам прятаться, пока не...

Хариз поклонился.

– Я лично буду сопровождать вас с господином Фештаном. Мы прибудем в Ваг Ран, вам предстоит встретиться с несколькими влиятельными людьми, наладить связи, подтвердить слухи. Увы, ещё не всем верят тому, что ваш Дом не уничтожен. А когда вернутся Симуз и Шано Артанна с находкой, у восстания появятся не только предводители, но и повод. Настоящий повод.

– Скрижалих, – выдохнул Феш. – Они покажут, что всё это время люди жили в обмане. Артанна, ты точно их найдёшь?

– Если они там, где указал Хариз, то найду. Будет приятно вернуться в место, которое долго было моим домом. И, кажется, я даже вспомнила, в какой момент спрятали те скрижали. Однажды брат приехал внезапно. Провёл пару дней с нами на хуторе, затем забрал меня в столицу, а вскоре меня и вовсе отправили в Хайлигланд. Похоже, всё случилось именно тогда. И раз так, я, кажется, знаю, где искать тайник.

Хариз аккуратно свернул карту в рулон.

– Прекрасно. Нельзя с этим затягивать. Выходим завтра. Шельг нас снарядит.

Арганна пожала плечами:

– Я только рада наконец-то размяться.

– Я тоже хочу поскорее увидеть Рантай-Толл, – сказал Феш.

Рошана обняла сына.

– Я покажу тебе там каждый дом, мой милый. Каждый дом...

Симуз заметил, что на дне глаз Рошаны застыло кое-что ещё. Нечто похожее на смесь зависти и презрения. Он задумался, были ли они с Фештаном в действительности честны с Арганной, когда говорили ей о своём расположении и готовности подчиняться её приказам? Правда ли признали её своей главой? Следовало разобраться с этим как можно скорее, ибо если бы его опасения оказались верны, Рошана и Фештан могли стать проблемой для всей операции.

2.1 Эллисдор

– Ты псих, Первый. – Черсо подал свесившемуся сверху Веззаму свёрток с одеждой и оружием, подпрыгнул, ухватился за края каменного отверстия, подтянулся и с кряхтением выбрался на поверхность.

– Уф, чёрт...

– Подвинься, Белингтор. Дай другим вылезти.

Наёмник откатился в сторону, саданулся о выступ скалы, едва не взвыл от неожиданности и, нашарив свои вещи среди кучи барахла, принялся одеваться в сухое. Ночь была тёплой, но его знобило после долгого плавания в холодной воде.

Веззам как раз помогал выбраться последнему из отряда. Все они, вылезая из этой дырки в земле, первым делом припадали к траве, инстинктивно жались к камням и обязательно удалялись о какой-то из них. Белингтор нервно хихикнул от мысли, что надо бы предложить подстелить здесь соломку или намалевать предупреждающий знак – да только в темноте всё равно не разглядишь. В голову лезли какие угодно мысли, любая чертовщина – что угодно, лишь бы не думать о предстоящем наверняка самоубийственном задании.

Додумался же Веззам до такого. А эрцканцлер, видать, настолько отчаялся, что согласился на этот план.

Черсо оглянулся, пересчитывая своих. Пятеро, как и требовалось. Никто не потерялся. Все наспех вытирались после путешествия по воде, облачались в тёмную одежду без опознавательных знаков, проверяли оружие.

Последним собрался Первый – долго выжимал свои жуткие седые патлы. Всякий мокрый ваграницец был похож на чудовище, а мокрый Веззам чудовищем и был.

– Псих ненормальный, – повторил Черсо и надёжнее приладил длинный кинжал к поясу. – Это чёртово безумие.

Командир бросил на него косою взгляд.

– Ну так оставайся здесь, раз самый умный, жопа трусливая.

– Я острожный, – поправил его Белингтор. – Потому и дожил до своих лет. И ежели я так безвременно и скоропостижно помру, кто ж будет всех вас развлекать?

– С тобой я очень быстро начал скучать по тишине.

– Ты невероятно скучен, командир, – проворчал Белингтор и подполз к вершине холма, откуда открывался вид на лагерь Эккехарда. – Вот, значит, куда нам нужно.

– Ага. Вон там лес видишь? Примыкает прямо к лагерю.

– Да, с той стороны больше шансов подойти незамеченными. Но ворота.

– Сами откроем, – ответил Веззам и обернулся к Гансу. Слуга эрцканцлера как раз копался в сумке. – Ганс, ничего не промокло?

– Нет, мастер Веззам. Порошок на месте, лук и принадлежности сухие. Точно добьёте? Залп придётся давать издалека.

– Тэм должен справиться, – Первый указал на новенького парнишку. Сам щуплый, но руки крепкие, как дубовые ветви, а глаз точно у сокола. – Отсюда достанешь?

Пацан прищурился, скривил лицо, что-то прикинул в уме, позагигал пальцы и, наконец, изрёк вердикт:

– Айе.

– Не подведи. У тебя будет время пустить несколько стрел. Сигнал подадим уханьем совы. Старайся, чтобы стрелы попали в разные части лагеря – нам нужна паника. Как только расстреляешь весь запас, лезь обратно в дыму и жди нас под землёй.

– Понял, командир. Займусь пока огнём и приготовлю горючую смесь.

– Только действуй аккуратно и спустись пониже. Костёр не должны увидеть со стороны лагеря.

– Айе, командир, айе.

– А мы, господа, отправимся в самое пекло.

Черсо пожалел, что с ними не было Вала: паренёк обладал редким даром сливаться с любой местностью. Но выбирать не приходилось: Веззам был сильнейшим из их войска, Белингтор – самым ловким, Ралл Тень заменил Вала, а эрцканцлерового Ганса пришлось взять с собой затем, что он единственный знал Эккехардов в лицо. Кроме того, зоркость слуги тоже могла пригодиться.

– Пойдём, – скомандовал Веззам, и воины поднялись. – Тэм, не смей считать ворон.

– Айе, командир, – отозвался лучник. – Не моргну ни разу.

– И сразу уходи, как выпустишь все стрелы. Героя не корчи.

– Да у меня и стрел-то немного...

Они плотнее обернули оружие в ткань, чтобы не звенело, и аккуратно спустились по склону холма к лесу. Под ногами похрустывал пожухший жёсткий мох, цеплялся за сапоги вереск. Пахло душистыми травами с лугов. Тут бы остановиться и восхититься тёплым вечером, а не кошмарить людей, – подумалось Белингтору. Но работа была превыше всего, особенно когда на кону стояла судьба целого города. И хотя гонцов уже отправили во все дружественные земли, эрцканцлер сомневался, что подмога прибудет скоро. Если вообще прибудет. А потому эллисдорцы и защитники города решили действовать первыми.

Воины прошли подлесок, бережно ступая по кочкам: в темноте можно было запросто переломать ноги, и затерялись среди кустарников и деревьев.

– Чёрт! – вырвалось у Ганса, когда тот поскользнулся на мокрой от росы траве.

– Шшш! – Ралл легко подхватил долговязого парня и развернул лицом к себе. – Шшш, служка. Ночь не любит шума.

Белингтор дернулся как в ознобе. Не нравился ему этот Ралл. Появился полгода назад в Эллисдоре не пойми откуда. Знал много из того, что простому головорезу невдомёк. Вид имел жуткий, хотя и мог считаться красавчиком, кабы не большие и жуткие пронзительно чёрные глаза. Да и с головой дружил явно условно – это Черсо понял о нём быстро. Фестер, да упокой Хранитель его душу, уж на что был безумным истязателем, но сердце имел доброе. Ралл Тень же, казалось, был соткан из тьмы и мрака и поклонялся какому-то собственноручно придуманному культу. Но дело своё знал как никто – и потому Веззам ценил и привечал ублюдка.

Белингтор же не стыдился признать, что боялся этого полоумного, и старался держаться от него как можно дальше. Ибо страшнее такого врага мог быть лишь подобный друг.

– Ночь хочет жертву, – поговорил Ралл, привалившись к дереву. – Я дам ей жертву, и она благословит меня.

– Ты лучше Эккехардов высматривай.

– Высматривает пусть Служка, он глазастый. А я их буду убивать.

Веззам жестом велел всем заткнуться.

– Отставить. Эккехарда брать живым. Лучше старшего.

Тень оживился:

– А сына убить можно? Мне нужна жертва.

– Без отца он и так долго не протянет, – ответил Первый. – Ганс, видишь что-нибудь?

– Да. Вон их шатёр, с золочёным флюгером.

– Боже, кто придумал поставить на флюгер петуха в короне? Петуха! В короне! – приснул Черсо. – И наверняка местечко хорошо охраняется.

– Не так хорошо, как им кажется, – криво усмехнулся Ралл. – Ждите здесь. Скоро вернусь.

Тень растворился меж деревьев, словно и правда был чёрным дымом. Черсо подавил желание осенить себя каким-нибудь священным знаком. Переглянувшись с Гансом, он понял, что слуга испытывал схожие чувства по отношению к лазутчику.

– Куда он опять поперся? – проворчал Белингтор.

– На разведку.

– Уж надеюсь. Держал бы ты его на привязи, командир.

– Заткнись и жди, певун.

Ждали прилично. За это время Белингтору мучительно захотелось отлить – сказывался долгий путь по холодной воде, но покидать пост было не положено.

Наконец со стороны лагеря зашевелились ветви, бойцы по привычке похвастались за оружие.

– Тихо, свои, – прошелестел Ралл. – Тыкалки уберите, я кое-что принёс.

Он аккуратно разложил на земле ворох цветастых тряпок.

– Это ещё что?

– Оознавательные знаки армии Эккехарда. Наматывают на рукава и так узнают друг друга. В остальном солдатня одета в такие же лохмотья, как и мы. Никакого эстетического единения.

Белингтор едва не поперхнулся, услышав последнюю фразу. Непрост был этот Ралл, ой непрост. Или сам из знати, или крутился слишком близко к аристократам. Ибо простое отребье так не разговаривало.

– Разбирайте, надевайте – и выходим, – скомандовал Первый и вопросительно взглянул на лазутчика. – Часового снял?

Тень ослабился.

– Обижаешь, командир. Всё готово. – Он обернулся к Черсо. – Ухай, совушка.

Белингтор наспех намотал кусок тряпки на руку и, выпрямившись, издал несколько звуков неясности.

– Теперь ждём. Лишь бы слух у Тэма был так же остер, как глаза.

– Смотрите! – Ганс ткнул пальцем на двигавшуюся точку на краю неба. Огонёк описал идеальную дугу и упал аккурат на крышу шатра.

– Хорош, бесов сын! – восхитился Ганс.

Следом появился ещё огонёк, но упал уже в другой стороне лагеря. А за ним ещё. И ещё. На шестом Черсо начал беспокоиться о парне и вновь тревожно ухнул совой, намекая Тэму, что пора уходить.

Но огни все продолжали лететь, правда, уже по другой траектории.

– Он сейчас спалит им половину лагеря.

– Тэм отошёл слишком далеко от убежища, – забеспокоился Черсо. – Может не успеть...

– Справится, – оборвал Веззам и откинул косу за спину. – Выходим. Шустрее! Времени мало.

Тень уже ждал их на краю леса и по-скоморошьи поклонился:

– Всё готово, господа. Нам туда, – он указал на шатёр с золотым флюгером на основной опоре.

К частоколу была приставлены лестница. Ралл взлетел по ней и через несколько мгновений отворил ворота. Воины тихо, как кошки, пробрались сквозь приоткрытые створки.

В лагере царила суматоха. Несколько шатров сгорело, с десятков были охвачены огнём, отчаянно ржали лошади, испуганно квохтали курицы. Ошалевшие люди носились по всем проходам и выстраивались в цепочки от реки к лагерю, чтобы передавать ведра с водой для тушения.

– Чего встали, олухи? – раздалось за спиной Черсо. – Бегом тушить, пока здесь всё не превратилось в золу! Иначе я вам сам Арзиматово пекло устрою при жизни.

– Есть, командир! – отчеканил певун и для виду направился к пожарищу.

Спрятавшийся между палаток Веззам жестом показал, чтобы Белингтор шёл к главному шатру и остался сторожить вход.

Пробираться сквозь паникующих оказалось несложно, но Белингтор задумался, как выбираться отсюда обратно в лес – рисков было больше.

Дойдя до шатра, Ралл сделал надрез в ткани и поманил к себе Ганса.

– Какого брат? – беззвучно спросил он.

Ганс прищурился, подвинулся поближе и отодвинулся от палатки, зажав рукой дыру.

– Самый старый и богато одетый. Это лорд Ламонт. Сына его, Фридриха, там не вижу.

В шатре всего трое.

Ралл кивнул.

– Стой здесь, Служка.

– Ага.

Ралл и Веззам обменялись долгими взглядами, а затем одновременно ворвались в палатку. Черсо отвернулся и уставился на проход к палатке: не на что было смотреть там внутри: кровь, смерть и долг. Ганс же, казалось, впервые был свидетелем убийства и застыл как вкопанный. До Черсо донеслись крики, лязг оружия. Но его это уже давно не трогало. Зачерствел.

– Ты кто такой? – наёмник вздрогнул, услышав голос сбоку.

– Охраняю.

– Я ставил охранять не тебя.

Черсо уставился на подошедшего. Светлые волосы, тонкие, явно аристократические черты лица, надменная рожа...

– Ваша светлость! – поспешил вмешаться Ганс. – Лорд Фридрих, простите. Ваш отец распорядился отправить всех, кого возможно, на тушение.

Черсо на миг растерялся. Фридрих Эккехард приблизился, внимательно взгляделся в лицо Ганса и нахмурился:

– Допустим. Но что, мать вашу, здесь делает слуга Граувера? Такую лопухую башку не забудешь. – Он попробовал обойти его сбоку. – Отец! Отец! Здесь...

– Чёрт, – вырвалось у Ганса.

Думать времени не было. Черсо со всей дури врезал лбом ему в переносицу. Послышался хруст, Фридрих сдавленно взвыл, колени подогнулись.

– Аз ты з сфолоть! – Эккехард потянулся к поясу за мечом. Ганс попятился.

– Прости, – сказал он Белингтору. – И в мыслях не было, что он мог меня запомнить.

– Ты хленоф флуга хренофа элкаццела! – пропубнил Фридрих, поднимаясь и надвигаясь на Ганса. – Флуга моего влага. Ты позалееф.

Эккехард вскинул руку с мечом и рванул к Гансу. Улучив момент, Черсо обошел его сзади и треснул рукоятью меча по голове. Фридрих захрипел, опустил руки и сполз в грязь.

Из шатра вывалились Веззам и Ралл. На плечах Веззам нёс Эккехарда-отца. Судя по всему, вырубил его тоже крепко.

– Идём! – скомандовал Тень. – Быстрее.

Первый мельком оглядел место схватки у шатра.

– Что здесь было?

Черсо тихо хохотнул:

– Кому скажу – не поверят, что я начистил лицо самому герцогу!

– Как же давно я мечтал врезать по его самодовольной физиономии, – прошептал Ганс. – Хорошо, что это был ты.

И рухнул.

Только сейчас Белингтор разглядел, что он зажимал руками рану, рядом валялся меч Эккехарда – в крови. Весь левый бок Ганса окрасился кровью, мокрые пальцы жутко блестели в сполохах огня.

– Идите, парни, – стремительно бледнея, проговорил слуга. – Он успел. И, кажется, мне конец.

2.2 Миссолен

– Готовы, ваша светлость? – Голос Ихразы вывел Демоса из оцепенения.

Канцлер рассеянно кивнул:

– Да, конечно.

– Последний шанс отступить. Вы точно уверены?

«Как будто сейчас можно быть хоть в чём-нибудь уверенным».

– Будь у нас другой вариант, я выбрал бы другой вариант, – проворчал Деватон. – Но альтернатив нет. Открывай ворота.

Энниец подчинился и знаком приказал гвардейцам налечь на ворот. Тяжёлые створки главный ворот дворцового комплекса медленно, словно нехотя, отворились. В лицо Демосу ударила вонь чумного города, а уши едва не заложило от шума беснующейся толпы.

«Обычно в такие моменты желают удачи. Но мне она не нужна. Нужен только успех».

– Удачи, господин, – шепнул Ихраз, вызвав у Демоса нервный смешок. – Если почувете неладное, сразу дайте знак: мы вас вытащим.

«Успеют ли? Сложно защищать безумца, решившего выйти к ещё более безумной толпе. Я и шагу не успею сделать, как они разорвут меня на куски. Если захотят».

– Конечно. Я буду осторожен.

Телохранилитель наградил господина печально-насмешливым взглядом.

– Вы и осторожность несовместимы.

– Поэтому у меня есть ты – чтобы их совмещать, – улыбнулся канцлер.

Он подтянул и без того болтавшейся на тазовых костях пояс – сказывалась вынужденная чумная диета – и, перехватив трость поудобнее, шагнул вперёд.

«В яростную неизвестность».

На дворцовой площади, казалась, собралась половина выжившего города. Толпа ревела, швыряла в стены булыжники, самые преданные последователи Альбумуса окружили своего предводителя и завывали настолько жуткие гимны, что по позвоночнику Демоса прошёл холодок.

«Ненависть, боль, неистовство, безумие. Это ли прекрасная и великая столица, которую я успел так полюбить? Мой Миссолен, мой Белый город. Мой... дом? Хорошо, что дядя Маргий уже никогда не увидит, во что превратился город. Хорошо, что Креспий слишком мал, чтобы осознать происходящее. И хорошо, что у него есть я – тот, кого не жаль пустить в расход, если что».

Сразу в нескольких кварталах бушевали пожары – Демос видел столбы дыма и чувствовал запах гари. Докладывали, что бунтовщики пытались ворваться в Эклузум, но церковники отстояли владения.

«И теперь Альбумусовы прихвостни обратили свой гнев на нас».

Демос неторопливо вышел за ворота.

– Расступитесь! – рявкнул герольд со стены. – Вы требовали видеть канцлера – он перед вами.

Не оборачиваясь, Демос жестом велел герольду замолчать.

«Спасибо, дальше я как-нибудь сам».

– Брат Альбумус, выходите, – обратился канцлер к толпе. – Это переговоры. Даю слово, мои люди вас не тронут.

Окружавшие мятежника бритые наголо женщины и дети тревожно заквахтали, когда монах-еретик стал пробираться сквозь свой живой щит.

– Всё в порядке, братья и сёстры, – успокоил он. – Лорд Демос, пожалуй, сейчас единственный человек в столице, чьё слово чего-то стоит.

«Враги меня ценят! Как приятно, с ума сойти».

– Никого не тронут, клянусь именем Гилленая, если и вы не станете...

– Как ты смеешь поминать его имя всуе, грешник? – взвизгнула одна из фанатичек. – Господь и так уже покарал тебя за грехи, но ты не остановился! Не смей осквернять его имя своим поганым ртом!

Демос вопросительно уставился на Альбумуса – тот широко улыбнулся и пожал плечами – дескать, был не при делах. Канцлер покосился на фанатичку.

– При других обстоятельствах такие заявления вам бы с рук не сошли, но у нас сейчас ситуация не из простых, – сказал он. – Поэтому я забуду то, что сейчас услышал. Ибо мы здесь затем, чтобы договориться.

Брат Альбумус жестом велел женщине отойти подальше и сам приблизился к канцлеру. Демос отметил, что он всё так же ходил босиком и носил самую грубую рясу.

– Вряд ли это получится, лорд Демос. Ибо вряд ли вы согласитесь на мои требования.

– Сначала изложите, а там посмотрим.

Еретик снисходительно улыбнулся и почесал старый шрам на правой стороне лба.

– Божья власть во всём Миссолене, – громко заявил он под одобрителное ворчание толпы. – Исключительная – на время чумы, а затем – совместно с малолетним императором. Слуги божьи проследят за его воспитанием и станут преданными советниками. Младенец Креспий – божий подарок для всей империи, он отмечен особым благословением Хранителя, ибо появился рассвет тогда, когда страна уже была в отчаянии. И он должен быть ближе к богу.

«Ага, и узнали мы о нём ровно за мгновение до того, как меня короновали. Истинное чудо! Божественное вмешательство, не иначе».

– Но младенец Креспий оказался не в тех руках, – продолжил Альбумус, кружа вокруг Демоса. – Мать с истерзанной душой, предводитель проделкой церкви и...

– Горелый интриган? – подсказал Деватон.

Монах фыркнул.

– Из всего регентского совета вы кажетесь мне самым вменяемым, ваша светлость. Хотя бы потому, что стоите сейчас передо мной и всё ещё пытаетесь спасти то, чему, по вашему, я угрожаю. – Он остановился и изучающе уставился на обожжённую половину лица Демоса. – Но вы не понимаете, что я вам не враг.

– Другом вы мне тоже не кажетесь.

– Людям сложно принять нечего новое и чуждое. Вам ли этого не знать? И всё же это не означает, что я не прав.

Демос пожал плечами:

– Не нам судить.

– Соглашайтесь на мои условия – и останетесь в регентском совете, – уговаривал Альбумус. – Взгляд насквозь светского человека может быть полезен, да и политик вы достойный. Быть может, даже успеете спасти что-нибудь из предметов роскоши, которые мы так порицаем.

«Сколько лести и угроз одновременно».

Демос развернулся монаху так, чтобы оба стояли боком к толпе.

– Не думал, что когда-нибудь это скажу, но... – он повысил голос, – я предпочту, чтобы судьбу Миссолена, регентского совета и всего государства решали не покалеченный интриган и амбициозный еретик, а сила куда более великая.

Альбумус оживился.

– Интригует. Что вы предлагаете?

– Божий суд, – криво улыбнулся канцлер. – Если его величество Креспий – подарок Хранителя, как вы утверждаете, то его судьбу и судьбу всего его окружения властен определять лишь Хранитель.

– Божий суд! – выкрикнули из толпы.

– Да, – подхватили следом. – Пусть бог решит, кто прав!

– Пусть совершит чудо тот, чьё дело правее!

Демос в упор уставился на Альбумуса:

– Ваше слово?

– Хорошая идея, – ответил мятежник. – Что может быть лучше публичного разрешения нашего спора?

«Твоя лживая башка, отделённая от тела. Но рано».

Толпа зароптала ещё сильнее. Демос с опаской покосился на ворота дворца.

– Отличный план, ваша светлость. Если вы и двор достойны императора, как утверждаете, вам ничто не грозит.

– Как и вам, – отозвался Демос.

– Верно.

Демос набрал побольше воздуха в лёгкие и шагнул к толпе:

– Да будет божий суд!

Альбумус сладострастно улыбнулся.

– Прекрасно. Выбирайте испытание.

– Пусть люди, которых вы привели сюда, выберут испытание.

– Неплохо. – Монах обернулся к последователям. – Итак, какое испытание вы для нас выберете?

Вперёд шагнул чумазый мальчонка с тонкими руками и побитым оспинами лицом.

– Пройдите через стену огня, как некогда прошёл Гилленай, чтобы спасти сестру, – пискнул юнец. – Кого защитит Хранитель и кто доберётся не опалённым, тот и будет посланником божьей воли.

Толпа взвыла.

– Испытание огнём!

– Гилленаев суд!

Демос отступил на шаг.

«Вот и настал момент, когда я начал по-настоящему жалеть, что задумал всё это».

Альбумус широко улыбнулся и протянул Демосу руку для пожатия:

– Значит, стена огня. Здесь, на этой площади в ближайшее новолуние. На всякий случай советую исповедаться перед испытанием.

2.3 Эллисдор

– Господа, прошу, оставьте нас.

Тюрьма для Ламонта Эккехарда походила на что угодно, но не на темницу. Расположенная в господском доме, с небольшим, но симпатичным витражным окошком, гобеленами на стенах, большим камином и даже с кроватью под балдахином, она больше походила на гостевые покои. В иные времена Альдор не смел и мечтать о подобных удобствах и в глубине души тихо ненавидел Эккехарда, за то, что тот даже тюрьму получил роскошную.

Правда, сейчас самопровозглашённому королю-мятежнику светила не менее роскошная и громкая казнь.

– Всё будет в порядке, – добавил Альдор и жестом поторопил охранявших покои гвардейцев. – Ступайте.

Когда стража удалилась, Альдор придвинул табурет и сел у изголовья кровати Эккехарда. Наёмники «Сотни» слегка перестарались и едва не раскроили мятежнику череп, поэтому лекари заставляли узника соблюдать постельный режим. Зато пожар, во время которого и похитили Эккехарда, поговаривали, уничтожил треть лагеря. Неплохо.

– Как вы себя чувствуете, ваша светлость? – давясь вынужденной любезностью, спросил Альдор. Постоянно приходилось напоминать себе о приличиях. Он прокручивал в голове наставления духовников: «относиться по-человечески даже к нелюдям, проявлять милосердие даже к тем, кто его не заслуживает». Альдор держался за эту заповедь как тонущий в болоте – за протянутую палку. Только это, казалось, вытаскивало на поверхность остатки его человечности. Ибо последние годы, казалось, превратили его самого и всех, кто был ему дорог, в чудовищ.

Ламонт Эккехард приподнял голову и смерил Граувера высокомерным взглядом.

– Я твой король, – провозгласил он. – Обращайся ко мне подобающе. Но сперва преклони колени и принеси клятву верности.

Альдор с трудом подавил желание даже не расхохотаться – заржать. Перед ним лежал человек, чья голова уже гарантированно должна была отправиться на пику, но даже перед лицом поражения, в шаге от смерти, Ламонт Эккехард оставался несгибаемо спесивым.

– Мой король – Грегор Волдхард, а вы, ваша светлость, всё ещё герцог, – мягко, точно говорил с ребёнком, ответил эрцканцлер. – До тех пор, пока его величество не распорядится иначе, разумеется. И, что-то мне подсказывает, что он непременно распорядится – вы же знаете, каков знаменитый гнев Волдхардов.

Пленник отмахнулся от угроз как от назойливой мухи:

– Раз уж на то пошло, вы, болваны, взяли не того Эккехарда. Я стар, но у меня есть наследники.

Альдор сложил руки на коленях и подался вперёд:

– Один – в плену у рундов, а второй, насколько мне известно, валялся без сознания, когда наши люди видели его в последний раз.

– Но он жив. Погибни Фридрих, все бы узнали.

– Жив, – кивнул Альдор. – И он трус, что боится сделать шаг в сторону без отцовского согласия. Будем честны, ваша светлость. Оба младших Эккехарда унаследовали от вас лишь гордыню и амбиции, но стальными яйцами природа их обделила. Поэтому я рассчитываю, что трусость Фридриха окажется благоразумной. – Альдор выпрямился и уставился пленнику прямо в глаза. Тот выдержал. – Гонец королю уже отправлен, и вы будете находиться под стражей до его возвращения в столицу. Если ваш сын попытается штурмовать Эллисдор, мы казним вас досрочно. Попробует сделать что-то с моей женой – мы казним вас досрочно. Попробуете хитрить или связаться с Эклузумом...

– Вы казните меня досрочно, я понял, – прервал его Эккехард. – Смените песню, милорд эрцканцлер. Ваше решение было, безусловно, дерзким, и я искренне им восхищен. Боретесь до последнего – такие люди мне импонируют. И все же ваши усилия тщетны.

– С чего бы? – Альдор непринуждённо пожал плечами, но всё же по спине пробежали холодные искры. Всегда, всегда этот Эккехард оказывался опаснее, чем казался. Даже сейчас – Альдор знал – не следовало успокаиваться. Но внешне он пытался сохранять спокойствие. – Грегор вскоре обо всём узнает. Он и все верные ему вассалы. Помощь придёт.

– Уверен, придёт, – согласился пленник. – Но они не успеют. Неужели вы думали, что я не предусмотрел такого исхода? Моим людям даны инструкции на случай моей гибели или исчезновения. А вы, милейший, подайте-ка мне воды.

Граувер отчасти восхищался пленником. Понимал, что своим поведением Эккехард лишь пытался вывести его из себя, надеясь, что сам Альдор в порыве гнева сболтнёт лишнего. Но он слишком давно знал этого человека. Слишком давно неотлучно служил при дворе. И слишком хорошо знал правила этой игры. Вопрос оставался лишь в том, насколько всерьёз его воспринимал сам Эккехард.

Он молча подошёл к столу, налил воды в чашу и подал Ламонту.

– Что за инструкции?

– Штурмовать замок, если меня убьют или продержат в плену дольше семи дней.

– Ваш сын не способен на штурм. А вы – король. Ваше заточение – неременное падение боевого духа войска, и не думаю, что лорд Фридрих сможет его поднять.

Хотелось добавить «с проломленной-то головой», но Альдор не стал. В конце концов он понятия не имел, в каком состоянии находился наследник Эккехарда.

– Он даже в здравии не способен командовать войском, увы. Старшего, к моему пригорбию, природа мозгами обделила. У Райнера их побольше, да характером не вышел.

– После всего, что вы устроили, с Райнером, боюсь, придётся окончательно попрощаться, – напомнил эрцканцлер.

– Я уже очень давно с ним попрощался. Когда он не пожелал поддерживать мои амбиции.

Альдор усмехнулся. То-то криков было немного, когда Грегор распорядился отправить Райнера заложником в Рундкар. Выходит, отец был лишь рад избавиться от сына-помехи.

– Кто же будет правил после вас, если будет?

– Очень рассчитываю, что внук получится посмышлёнее. К слову о наследниках, – Эккехард приподнялся на локтях и посмотрел Альдор прямо в глаза. – Новости от леди Батильды. Ваша супруга отказалась от вас и направила великому наставнику прошение о разводе. Мой сын с удовольствием женится на ней, благо и ребёнок, что она носит под сердцем, от него, и, кроме того, в канцелярии Зулли сохранилась копия бумаги о помолвке Фридриха и Батильды. Ваш король некогда наплевал на это обстоятельство – лишь бы узаконить ваше владение Ульцфельдом, но мы не забыли. Мы ничего не забыли.

Альдор застыл, не веря ушам.

– Нигде не было...

Эккехард рассмеялся.

– Главное – вовремя прятать бумаги, вы же сами знаете. Ну же, ваша милость, подумайте сами, вы же умный человек. Девочка – дочь мятежника, вы не забыли? А Зулли – род древний, набожный и довольно мстительный. Неужели вы думали, что Батильда так лихо простит вас с королём после всего, что вы сделали с её семьёй? – Ламонт Эккехард насмешливо фыркнул и вскинул резко очерченные брови. – Ещё когда её отца и братьев схватили, она тайно получила нашу поддержку. Следует отдать ей должное, терпение у Батильды поистине ангельское – выждать удобного момента столько времени, есть, спать, жить вместе с человеком, которого ненавидишь... Она ждала, лишь изредка выкраивая время на краткие встречи с нами. И, слава Хранителю, дождалась. Справедливость наконец восторжествует. Хотя бы для неё.

Тяжёлый сгусток в груди Альдора, что давил и мешал дышать всё это время, наконец-то лопнул, и барона едва не стошнило прямо на кровать пленника.

– Мы не захватывали Ульцфельд, милорд Эрцканцлер. Он перешёл под наши знамёна добровольно. Батильда сама передала Фридриху ключи как ранее – своё лоно, – не говорил, но словно добивал Эккехард. – Бывай вы на подаренной земле чаще, глядишь, и заметишь бы неладное. Но вы же не видели ничего, кроме службы человеку, который оставил вас здесь умирать.

Альдор молчал, лишь немного покачивался из стороны в сторону, пытаясь осознать ещё одно предательство. Ламонт Эккехард поднялся с подушек и приблизил лицо к Грауверу:

– Грегор не успеет. Другие пути отрезаны. Даже если вы убьёте меня и Фридриха, Батильда родит наследника, который рано или поздно уничтожит еретика Волдахрлда и всех, кто его поддерживает. Замок падёт, и после дерзости, что вы учудили, шадить не станут никого. – Кислая вонь изо рта Ламонта в этот миг показалась Альдору дыханием смерти. – Я даю вам последний шанс остаться в живых, милорд Граувер. Присягните сейчас.

2.4 Сифарес

Десари вздрогнула и заползла под одеяло, когда хлопнула дверь в прихожей её покоев. Эфа шагнула за шум, и по тому, как низко поклонилась тучная рабыня, девочка поняла, что пришёл дед.

– Здравствуй, синичка! – Эсмий жестом велел Эфе раздвинуть занавески. – Как ты себя чувствуешь?

Десари нахмурилась, но тут же поспешила стереть недовольство с лица. Синичкой её называл лишь отец, и только они вдвоём знали, почему он выбрал это прозвище. Дед же... Десари чувствовала его отчаянную потребность быть нужным ей, страх за неё, но было в его взгляде и тоне что-то ещё. Нечто, что настораживало её всякий раз, как он приходил. Десари понимала, что ещё мала для его магистерских интриг, но сердце подсказывало: дедушка Эсмий держал её взаперти не просто так. А после того случая с участием Артанны Магистр, казалось, и вовсе сошёл с ума – не подпускал к ней никого, кроме лекаря да Эфы. Лекарь, к слову, оказался новым, и Десари догадывалась, что его прислали из Магуссерии.

– Десари, ты меня слышишь? – встревожился Эсмий.

Девочка поспешно отогнала размышления прочь.

– Да, конечно. Прости. Сегодня мне лучше. Я бы даже прогулялась в саду. Можно?

Магистр вопросительно взглянул на стоявшего за его спиной лекаря.

– Если магус Веллий разрешит, я буду только рад. – Эсмий посторонился, подпуская его к постели. – Прошу вас.

Десари тряхнула головой, отгоняя остатки дремоты, и улыбнулась магусу. Этот был совсем не похож на того, которого приводил отец. Она очень скучала по Симузу, но чувляла нутром, что не должна ни в коем случае говорить об этом Эсмию. Было между ними что-то, чего она пока не могла понять, но хорошо чувствовала. Холод, тщательно скрываемую ярость, вынужденные улыбки. Сидя взаперти ей только и оставалось, что вспоминать разговоры, которым она была свидетельницей, да размышлять над полутонами человеческих эмоций.

Ещё она иногда прикасалась к аметистовому котёнку, что однажды принёс отец, и пыталась мысленно до него дотянуться – так Десари узнавала, что Симуз жив, что рядом с ним Артанна и тот её хорошенький молодой племянник-ваграниц. Порой Десари жалела, что у неё не было никакой вещи Фештана – так хотелось посмотреть на мир его глазами! Артанна же, как и прежде, оставалась для неё закрытой.

Магус Веллий закончил беглый осмотр и, повернувшись к Эсмию, изрёк:

– Прогулка пойдёт молодой госпоже на пользу. Она полностью здорова, но ей ежедневно нужен солнечный свет и небольшая корзина фруктов для восстановления цвета лица.

– Магус Веллий, а ягоды мне тоже можно? – спросила Десари, воодушевлённая рекомендацией. – Я так соскучилась по тем крупным красным ягодам с косточками.

– Нужно!

– Прикажу подать на обед, – пообещал Эсмий. – Эфа, помоги ей одеться и выведи в сад. Буду ждать там.

Рабыня жестом показала, что всё поняла, и поклонилась вслед уходящим посетителям.

Едва закрылась дверь покоев, Десари вскочила с кровати и подбежала к балкону.

– Неужели мне наконец-то разрешат вернуться к занятиям, Эфа? Я так соскучилась по наукам! Так хотела бы вернуться к поездкам верхом! Может, если позволит здоровье, даже попрошу дедушку пригласить того мастера, который тренировал Артанну драться... Но это вряд ли. Не разрешит. Опять будет оберегать меня, как вазу из гацонского хрусталя.

Рабыня недоверчиво покосилась на девчонку, покачала головой – дескать, вечно всякая дурь в голову лезет, и потрясла в воздухе платьём.

– Иду!

Десари не видела ценности в дорогой одежде, поэтому никогда не крутилась перед зеркалом. Впрочем, по тому, как на неё начинали смотреть редкие гости дворца, она понимала, что с внешностью ей скорее повезло. Но это пока мало волновало Десари. Куда интереснее было гулять в саду, рассматривать цветы и деревья, слушать разговоры, глядеть на порт. В порту постоянно что-то происходило, это манило, и Десари мечтала однажды там побывать.

У пронзительно белых мраморных ступеней, что спускались к верхнему уровню садов и фонтанам, её уже ждал дед.

– Пойдём, синичка, – он протянул ей сухую морщинистую руку, и Десари едва не отдернула ладонь – до того кожа деда показалась ей горячей.

– Ты сам точно хорошо себя чувствуешь? У тебя жар!

Эсмий слабо улыбнулся.

– Всё хорошо, девочка моя. Это пустяк. Пойдём...

Десари насторожилась. При дневном свете она смогла разглядеть, что Магистр выглядел неважно, словно его высушили и выпили все соки – тонкие руки, дрожащие пальцы, кожа как пергамент. И дело было вовсе не в возрасте: ещё недавно Эсмий Флавиес пробежал большое расстояние с факелом в руках на церемониальных игрищах. Сейчас же он был худ и слаб, а ведь раньше любил поесть и баловал её разными лакомствами. Десари отметила, что дед даже не предложил ей пирожных, которыми всегда потчевал после прогулки. Значит, вовсе забыл о еде или сама мысль о пище его отвращала.

Что-то во всём этом было не так.

– Ты умираешь? – поражённая внезапным озарением, выпалила Десари, но тут же снова перестала быть хозяйкой своим мыслям. – Нечто растёт внутри тебя и съедает заживо. До следующего лета ты не доживёшь.

Её голос звучал словно откуда-то издалека, и она не могла контролировать его. Десари казалось, будто она повторяла слова по чьей-то подсказке. Девочка мотнула головой, пытаясь прогнать это странное состояние и увидела, что Магистр застыл, изумлённо глядя на неё.

– Мертвые боги, Десари! Ты даже сильнее, чем я предполагал. – Он доковылял до скамьи под сенью лимонных деревьев, и внучка послушно засеменила за ним. – Садись, девочка. Ох, моя милая, жаль, твоя мать мертва. Знала бы она, какой последний подарок нам преподнесла...

– Я сделала что-то важное? Или плохое? Не понимаю.

Магистр облокотился о мясистую ветвь дерева и тяжело вздохнул.

– Ты во всём права, – прошелестел он. – Что-то действительно меня пожирает, и наши лекари лишь разводят руками. Увы, даже могущественные магусы не всегда могут спасти человеческую жизнь. Кажется, я обречён. – Дед посмотрел на Десари так пронзительно, что она едва не разрыдалась. – Но прежде я должен многое успеть, особенно для тебя, синичка.

Десари не отстранилась, когда дед ласково прикоснулся к её щеке, лишь дрожала, сама не понимая толком, отчего. Она впервые чувствовала смерть так близко. Её холод, неумолимость, её... ничто. Смерть, это абсолютное уничтожение, всепоглощающая пустота, великая власть тьмы, была слишком близко. Её нельзя было увидеть, обонять – только почувствовать. Пах дед – стариком, благовониями и эннийским табаком. Благоухал сад: цитрусами, мёдом и розами. Пах порт – солью, помоями, рыбой. Смерть же не пахла ничем.

И Десари впервые испугалась до немоты.

– Не печалься, синичка, – проговорил Эсмий. – Немного времени у меня ещё есть, и мы потратим его с пользой. Только мне потребуется твоя помощь, чтобы сделать всё правильно. Ты сможешь?

– К-конечно, дедушка.

Не плакать. Десари впилаь ногтями в ладонь, надеясь, что эта боль хоть немного отвле-
чёт. Она была Флавиесом, пусть и бастардом. А дедушка учил, что Флавиесы никогда не пока-
зывают слабости ни перед кем.

– Славно, – Эсмий вяло улыбнулся, достал из кармана шёлковый платок и протянул
Десари. – Не могла бы ты посмотреть кое-то глазами владельца этой вещи? Это очень мне
поможет...

2.5 Эксенгор

Фастред проснулся от мощного земного толчка. Опора шатра закрипела, застонало дерево, треснула натянутая ткань. Он всё никак не мог привыкнуть к тому, что почва в этих краях не была спокойной. Местные жители давно приспособились к природе и не желали покидать земли, где горячая вода извергалась прямо из-под земли. Но Фастреду, как и большинству хайлигландцев, от этого было не по себе. Впрочем, лишь в Эксенгоре благодаря этой подземной воде впервые за долгое время он смог как следует помыться и отскрести дорожную грязь. Король Грегор и вовсе пристрастился к местной вонючей, но, якобы, целебной воде и ежедневно пил её по совету брата Аристида. Выглядеть его величество и правда стал чуть лучше, хотя всё равно часто мучился животом – частый недуг тех, кто проводил большую часть жизни в походах.

И всё же было во всей этой местности с её поистине волшебными явлениями нечто пугающее и настораживающее. И Фастред не мог отделаться от ужаса перед мощью незнакомой природы.

Снова трянуло – со стола свалился медный кувшин, расплескав воду, что Фастред приготовил для умывания. Брат-протектор вскочил, потёр глаза и огляделся. В шатре, который они делили с Аристидом, не было монаха.

– Странно.

Он наспех натянул сапоги и, зачем-то прихватив меч, вышел наружу.

Рассвет только-только занимался. На востоке желтела тонкая полоска света, в низинах стоял туман. К аромату луговых трав примешался странный запах – не то тухлых яиц, не то фекалий.

Фастред оглядел охотничий лагерь: слуги едва поднялись, должно быть, разбуженные тем же толчком, что и сам Фастред, и сонно готовились к завтраку. В шатре короля свет не горел. Наверняка Грегор ещё спал.

Аристида нигде не было. Обеспокоенный, Фастред поднялся на холм, чтобы попробовать высмотреть монаха.

Небо было затянуто тучами, да такими плотными и тёмными, что вершина Фатира спряталась в них, как в собольих мехах. Начал подниматься ветер, воздушные вихри подхватывали остатки тумана и гоняли белые лохмотья по низинам.

Наконец брат-протектор смог разглядеть светлое пятно на можжевелевом холме – рясу Аристида, и поспешил туда, проклиная скользкую предрассветную росу, темень и эксенгорские холмы.

– Не спится, святой брат? – поприветствовал он Фастреда. – Впрочем, немудрено. Ночь для этих мест беспокойная.

Брат Аристид закрыл Священную книгу, поудобнее устроился на мягком мху и похлопал рядом с собой, приглашая Фастреда сесть. Брат-протектор вспомнил, что даже не накинул плаща, и подстелить было нечего. Ну и ладно – он плюхнулся на мокрый мох в чём был.

– Говорят, Фатир на рассвете особенно прекрасен, – сказал Аристид. – Пришлось встать пораньше, чтобы это проверить. Жаль, что собирается дождь.

Солнце потихоньку всходило, подсвечивая туго набитые водой сизые тучи.

Аристид сорвал цветок – жёлтые колокольчики на коротком стебле – и, удивлённо хмыкнув, принялся его изучать.

– Нашли что-то необычное, патрон? – видя интерес монаха, спросил Фастред.

– Растение. Вы знали, что оно считается вечнозелёным и никогда не цветёт?

Аристид поднял цветок на свет и принялся внимательно разглядывать.

– Но оно, как мы видим, цветёт. Впрочем, здесь я уже ничему не удивлюсь.

– Весьма самоуверенное заявление, друг мой, – снисходительно улыбнулся монах. – Этому краю есть чем удивить, и удивит он совсем скоро.

– Вы точно не ошиблись? Это действительно то самое растение?

– Я не ошибаюсь в подобных вопросах, – ответил Аристид и принялся изучать цветок с ещё большим интересом. Фастред почувствовал себя идиотом. Он всегда чувствовал себя ужасно неловко, когда Аристид блистал знаниями. Ему-то, поди, сколько лет пришлось этому учиться, наверняка с самого детства. Ни поворовать соседских яблок, ни окрутить пару симпатичных девиц – все книги да молитвы. Это Фастред пришёл к богу уже много позже, и, глядя на монахов, воспитывавшихся при обителях с детства, каждый раз гадал: стоило ли оно того? И какая жизнь в божьих глазах была правильнее?

Со стороны лагеря послышались крики. Кричали от боли – такие вопли Фастред знал хорошо.

– Что-то здесь не так. – Брат-проектор поднялся и попробовал разглядеть происходящее в лагере.

Брат Аристид лишь пожал плечами.

– Здесь всё не так, друг мой. Это пристанище старых богов.

– И эти боги нам явно не рады. Схожу посмотреть, что случилось.

– Ступайте. Я побуду здесь.

Монах положил сорванный цветок меж страниц Священной книги, и устремил глаза к горам. Фастред поднял меч и побежал с холма к лагерю, скользя и проваливаясь по щиколотку в сырой мох. Странное дело, но даже сама земля показалась ему тёплой.

Вопли приближались, теперь уже переходящие в стоны. Фастред выбежал к главному очагу.

– Что случилось? – окрикнул он слугу.

Над скорчившимся человечком стояло несколько зевак.

– Говори! – приказал Фастред, вытащив первого попавшегося.

– Милв, святой брат... За водой пошёл для герцогской каши, – слуга ткнул пальцем на расположившийся меж двух низких холмов каменный колодец. – Только ведро бросил, не успел даже за ворот взяться, а оттуда ка-а-ак выстрелит столб кипятка! Ошпарило бедолагу. Чую, не жилец.

Фастред осенил себя священным знаком.

– Проклятое место, – тихо произнёс он. – Смилуйся, Хранитель.

Райнер Эккехард, на ходу подпоясывая рубаху, подошёл на звук и склонился над бившимся в конвульсиях Милвом:

– Ох ты ж! Надо везти его в Эксенгор, – покачал головой он. – Если только ваш монах-целитель не сможет помочь на месте. Говорят, он чудотворец. Колодцем ошпарило, говорите? Странно...

Он выпрямился и зашагал в сторону низкой каменной постройки, откуда действительно валил пар. Фастред последовал за ним.

– Не понимаю, – рассуждал Райнер. – Это место считается безопасным, потому здесь всегда и ставят лагерь. Рунды не дураки, они давно живут в этих землях и знают все бедовые места. Ближайший горячий источник в четверти дня пути отсюда, в сторону Эксенгора. А местные озёра всегда были холодными, сюда приходят звери на водопой...

– Что-то случилось с землёй, вот что я думаю. – Фастред взобрался на холм, откуда открывался вид на озёрную долину, и поманил спутника к себе. – Глядите!

Райнер Эккехард охнул.

– Мёртвые боги, – прошептал он и рванул к ближайшему озерцу. – Рыба!

Вся живность всплыла вверх брюхом, и чем ближе хайлигландцы подходили к берегу, тем невыносимее становилась вонь от воды.

– Стойте! – Эккехард вскинул руку в предупредительном жесте. – Это ядовитые газы. Воздух и вода отравлены, чуете запахи? Ближе подходить нельзя.

Фастред с опаской отступил на добрый десяток шагов. Воняло и правда невыносимо.

– Значит, и правда что-то происходит, – заключил он. – Даже брат Аристид сегодня утром заметил, что зацвело растение, которое вообще не должно цвести.

Райнер повернулся к Фастреду всем корпусом, и брат-протектор, увидел, что его лицо искажилось от ужаса.

– Цветок? – переспросил заложник. – Жёлтый, с колокольчиками? Невысокий, с резными листьями?

– Да...

– Проклятье. Скорее! Нужно предупредить короля и вождя!

Он рванул вверх на холм так быстро, что даже привыкший к долгим пешим переходам Фастред удивился. Так подгонять мог только страх.

– Да что ж такое с этим цветком? – с трудом удерживая ровное дыхание, спросил он, нагнав заложника.

– Все местные, особенно старики, знают эту примету. Жёлтый цветок распускается только перед тем, как горы начинают извергать жидкий огонь. – Райнер говорил на удивление спокойно. – Эти цветы – предвестники гибели, святой брат. Следует убираться отсюда как можно дальше, пока...

Договорить он не успел. Воздух сотряс такой оглушительный грохот, а землю встряхнуло так сильно, что они оба едва удержались на ногах. Фастред заскользил вниз с холма, и Эккехард ловко поймал его за пояс.

– Нужно сворачивать стоянку и отправлять людей дальше на юг, – сказал он. – В половине дня пути отсюда на юго-запад в сторону Вевельстада есть деревня Фьол-Тун, оставайтесь там у старейшины Йоллага. Там вас приютят и обеспечат достойный приём. И возьмите с собой ошпаренного, у Йоллага хорошая знахарка. Позже я вас найду. – Эккехард привстал на цыпочки, высматривая лошадь. – Мне нужно предупредить остальных и позаботиться о Магнусе.

– Вожди ведь должны быть как раз на Фатире! – ужаснулся Фастред.

– Именно. А с ним – многие наши женщины. В том числе Истерд. Они участвуют в ритуалах.

– О нет, – запричитал Фастред, до которого наконец-то дошёл смысл сказанного ранее Аристидом. Монах всё предвидел и наверняка решил воспользоваться этим в угоду службе господу. – Нельзя их там оставлять. Они погибнут.

Райнер Эккехард преградил Фастреду путь:

– Я сделаю всё, что смогу, чтобы их вытащить. Но не говорите королю, иначе он...

– Король всё слышал, – донеслось из-за холма. Грегор остановился рядом с братом-протектором и мрачно глянул на Эккехарда. – Чёрта с два я буду сидеть сложа руки, пока обезумевшая гора убивает моих союзников и мою невесту. Я поеду туда сам.

– Но...

– Господь меня остановит, если ему это угодно.

Земля содрогнулась снова, и все обернулись на звук, что издавала гора: с вершины Фатира валил не пар, а густые клубы чёрного дыма. Дыма было так много, что он заслонил половину неба. Вокруг бесновавшейся вершины начали собираться тучи, сверкали молнии, грохотал гром. Что-то внутри горы ритмично взрывалось, исторгало новые клубы пепла и ошметки горной породы.

В лагере стояла паника. Выли собаки, истошно ржали лошади. Птицы давно улетели. Только сейчас Фастред понял, что его смущало: за всё утро он не увидел и не услышал ни одной птицы.

– Ваше величество, осторожнее! – Райнер вовремя толкнул Грегора на землю, и рядом с тем местом, где только что стоял король, приземлился раскалённый бульжник с красными прожилками. словно драгоценность великана из преисподней. Убийственная бомба из отвердевшей лавы.

– Уходим отсюда!

– Коней! Быстрее!

Лагерь бросили второпях. Быстро грузили телеги, отвязывали коней и скуливших псов. Лишь брат Аристид неторопливо семенил к Грегору посреди этого безумия, словно происходящее не волновало его вовсе. Впрочем, теперь Фастред всерьёз начинал так считать. Грегор и Райнер вскочили на лошадей, брат-протектор решил дожидаться Аристида и хотя бы отправить его в деревню вместе с остальными.

С неба падал чёрный снег, много снега. Только снег этот был горячим, и Фастред понял, что месил ногами пепел.

– Вашему величеству не стоит туда ехать, – сказал Аристид, подойдя к королю. – Там вершится божий суд, нельзя в это вмешиваться.

Грегор свесился с коня и схватил Аристида за воротник рясы.

– У меня уже отняли Ириталь, – глядя монаху в глаза, сказал он. – Я не позволю отнять ещё и Истерд. И если господу это не нравится, пусть попробует меня остановить.

И, не дав Аристиду что-либо возразить, унёсся сквозь снег из пепла в сторону Фатира.

– Я за ним, – Фастред на миг задержал руку на перевязи меча, гадая, пригодится ли сталь в том аду. Но на всякий случай решил, что при оружии будет спокойнее.

– Конечно! Поезжайте немедленно! – Аристид явно был в бешенстве. Редчайшее явление. – Не дайте этому упрямцу погибнуть из-за своей глупости!

Фастред и Райнер обменялись кивками. Не то прощались, не то договаривались о чём-то – он сам не понял.

– Удачи, лорд Эккехард. Храни вас Гилленай.

– И вам, святой брат. Пусть гора вас пощадит.

Едва Фастред подошёл к коню, тот взвился на дыбы с истеричным ржанием. Обезумевшие глаза животного глядели на хозяина с мольбой: «только не туда».

– Прости, друг, – шепнул он, поглаживая морду коня. – Прости. Но нам нужно именно туда.

2.6 Асеш

Симуз украдкой поглядывал на Сотницу, но разглядеть её лица не мог – Артанна надвинула капюшон как можно ниже, не то желая отгородить себя от мира, не то – мир от себя. По мере продвижения на северо-запад эмиссар всё сильнее ощущал её беспокойство. Артанна здорово изменилась с момента их последнего пребывания в Ваг Ране, но Симуз понимал: трагедии, что она пережила на родине, не забудутся ни через год, ни через десять. С таким грузом люди живут до конца дней. Если доживают.

Но для той, на чьих глазах вырезали всех близких друзей, а затем узнавшей о предательстве человека, которого она считала едва ли не сыном, Артанна нар Толл ещё держалась молодцом.

Путешествовали небольшим отрядом. Трое выделенных Харизом бойцов-ваграницев держались чуть отстранённо, но уважительно, говорили мало и по делу. Артанна тоже по большей части молчала, и у эмиссара было полно времени, чтобы обдумать насквозь дырявый план Эсмия. Симуз допускал, что наверняка не видел всей картины, да и у Магистра не было особых поводов раскрывать все карты перед нерадивым слугой. И всё же слишком много оставалось вопросов, слишком мало опорных точек. Даже сама эта, с позволения сказать, экспедиция, вполне могла закончиться провалом, ибо ни у кого не было уверенности, что скрижали с заветами Первых Шано вообще находились там, где указывала карта. Да и если подумать, была ли надобность в этих скрижалях? Не стала ли эта экспедиция всего лишь поводом на время избавиться и от Артанны, и от самого Симуза? Не задумал ли Магистр ещё одну игру? С Эсмия бы стало придумать хитрую многоходовку и вновь обмануть их всех.

– Видите? – один из сопровождавших, Закин, указал на просвет между двумя низкими горами, когда отряд подошёл к развилке. – Нам нужно держаться того направления.

Артанна сверилась с картой и кивнула:

– Да. Я узнаю эти места. Ориентируемся вон на ту вершину с двумя рогами. И скоро должен быть спуск к пещере. Судя по всему, осталось недолго.

– Верно, – согласился ваграницев, покосившись на схему. – До заката точно доберёмся.

Симуз кивнул и направил лошадь по уходившей на север тропе, гадая, долго ли они смогут ехать верхом. Местность оказалась поистине живописной – высокие шипастые горы, вершины которых были покрыты искрящимся снегом, а склоны – тёмно-зелёными лесами. Долину прорезала мелкая, но бурная река с порогами, из вод которой то и дело выпрыгивала рыба.

– Значит, ты жила в этих местах? – спросил Артанну Симуз, когда та поравнялась с ним на широком отрезке тропы.

– Да. Отец ведь изначально не планировал отправлять меня в Хайлигланд. А наши обычаи довольно суровы: как только знатный ваграницев достигает зрелости и начинает сесть, ему следует пройти Испытание. Сразиться с горным котом. И поскольку такой поединок действительно очень опасен, знать отправляет детей на несколько лет в горы учиться выживать.

Эмиссар присвистнул.

– Так ты убила горного кота?

– Нет. Испытания не дождалась, меня отправили из страны раньше. Может и к лучшему: не люблю убивать зверьё без лишней необходимости. А Испытание – это всё же, как ни крути, блажь. – Сотница помрачнела. – Годами жалуются, что кровь слабеет, что ваграницы вырождаются, а сами заставляют своих детей идти на смерть.

– Согласен. Да и котиков жалко.

– Ты переменишь мнение, если встретишься с таким хвостатым один на один в горах. Эти киски могут выпустить кишки одним взмахом лапы. Кстати, они здесь водятся.

Медяк усмехнулся.

– Намёк понял. Буду осторожен.

Тропа была неровной: то опускалась, то поднималась, и порой путникам приходилось убирать с пути большие камни. Приготовленная для перевозки скрижалей телега становилась обузой. Симуз понимал, что если так пойдёт и дальше, тащить каменные плиты придётся на себе. И сомневался, что даже впятером они сдюжат.

Наконец, когда они достигли очередного перевала, Артанна приказала остановиться и развернула карту.

– Теперь нужно спуститься вниз, – сказала она, сравнив увиденное с нарисованным. – Там, судя по всему, должен быть вход в пещеру.

Симуз покосился на телегу.

– Но как потом поднимать гружёную повозку? Оставим здесь?

– Сначала в любом случае нужно сходить на разведку, – предложил Закин. – Можем разделиться. Двое останутся здесь сторожить лошадей и скарб, трое пойдут на разведку. Всяко получится быстрее.

Артанна кивнула.

– Хорошо, пойдём немедленно. Хочу закончить с этим до заката. Если что, разобьём лагерь здесь же.

Закин неуверенно взглянул на Сотницу.

– Госпожа, вы уверены, что вам стоит идти? Это рискованно, а от вас так многое зависит в грядущих событиях... Не лучше ли вам остаться здесь?

– Исключено, – бросила Артанна и привязала коня. – Мы с Симузом идём внутрь. Решайте, кто из вас отправится с нами. И прихватите факел.

Закин выглядел обеспокоенным и даже несколько взбудораженным, но спорить не стал. Он отошёл к своим и перебросился с ними парой фраз, пока Артанна и Симуз готовились к спуску.

– Так ты знаешь местные пещеры? – спросил эмиссар.

Вагранийка огляделась и покачала головой:

– Именно эти – нет, но в подобные ходила. Мой наставник говорил, что в этих местах горы старые: Руфал, когда менял рельеф и отгораживался от рундов, их не трогал. Пойдём.

– Я буду вас сопровождать. – Закин снял с седла мешок, бросил за плечи и подошёл к Сотнице. – Взял с собой кое-что полезное.

Артанна молча кивнула. Этот выглядел самым крепким из харизовых бойцов, а лишняя сила не помешала бы. Кто знал, что они могли обнаружить в той пещере?

Они спустились ко входу в пещеру по крутой узкой тропе, и Симуз убедился, что поднимать каменную находку, даже если они ее отыщут, будет непросто. На тёмных скалах изредка встречался изумрудно-зелёный мох, кое-где росла камнеломка. Не хватало лишь какой-нибудь ручейка – и стоянка стала бы идеальной.

– Сегодня успеем только сходить на разведку. Времени до темноты осталось мало, – сказала Артанна, ловко перепрыгнув последний валун. Эмиссар вскоре присоединился к ней и помог Закину с мешком.

Отсюда вход в пещеру просматривался очень хорошо, но без карты они бы его точно не нашли.

Закин быстро вбил между камнями колышек и привязал к нему конец очень длинной верёвки.

– Если заблудимся, – пояснил он. – Чтобы найти дорогу назад.

– Здраво, – одобрила Артанна. – Мы тоже так делали. И ещё рисовали мелом знаки на стенах. Такие, кстати, могут быть и в пещере.

Медяк пожал плечами.

– Понять бы ещё, насколько она глубока.

– Вот и посмотрим.

Артанна повозившись с кресалом, смогла вычесть искры и соорудила небольшой костерок. От него зажгла факел.

– Готовы? – спросил эмиссар.

– Да, – Закин протянул верёвку спутникам. – Кто первый?

– Давайте я, – вызвалась Сотница. – Всё же я представляю, чего ожидать от этого места.

– Твари какие-нибудь водятся?

– Только мирные. Горные коты в пещерах не живут, им там сыро. Есть летучие мыши, всякие гады, ящерицы. Но не должно быть ничего угрожающего.

– Поверю на слово, – отозвался Симуз. – Меньше всего хочется драться с кем-либо в темноте и тесноте.

Но на всякий случай он держал кинжал под рукой. Так было спокойнее.

– Смотрите под ноги, – предупредила Артанна. – Может быть скользко.

Они вошли. Сотница подняла факел выше и осмотрела пространство внутри пещеры. Тёмный камень, холодно, воздух затхлый. Прожилки слюды серебрились и отражали свет. Поначалу проход был довольно широким – двое могли идти рядом без особого труда, но вскоре дорога вглубь стала узкой и низкой: даже Симуз пару раз чиркнул макушкой о каменный свод.

Артанна остановилась перед развилкой, хмыкнула и потянулась за свёрнутой картой. Верёвку отдала Медяку.

– Деталими с нами не поделились, – проворчала она, глядя на изображение. – Но, зная отца, я бы пошла налево.

– Почему?

– Потому что большинство выбрало бы право.

– Сделаю пометку, чтобы не потеряться, когда вернёмся, – предложил Закин и достал мел.

Он быстро чиркнул какую-то руно и дёрнул за верёвку – дескать, нужно торопиться.

– Погодите.

Симуз достал из-за пазухи мешочек с порошком, вытащил шепотку и сунул в каждую ноздрю.

– Лунный песок? – предположила Артанна.

Эмиссар кивнул:

– Хочу видеть лучше. На всякий случай не прикасайся ко мне – можешь снять весь эффект.

* * *

Артанна покосилась на Медяку с неодобрением. Он рассказывал ей о свойствах лунного песка, и ваграница хорошо предоставляла последствия столь неаккуратного приёма этого снадобья.

– Если тебя опять от него скрутит, тащить на себе не буду, – предупредила она.

– Не дотащишь, я тяжёлый. Поэтому давайте поторопимся.

Артанна перехватила взгляд Закина – ваграницец, как и она, явно не был доволен решением эмиссара. Но спорить было поздно.

– Идём, – Артанна взяла моток верёвки и крепче перехватила факел.

Проход так уменьшился, что ей приходилось сгибаться едва ли не вдвое, чтобы протиснуться вперёд. Она чувствовала сзади горячее дыхание Медяку – энниец всегда излучал какое-то непостижимое тепло, но сейчас Артанна ощущала его физически. Должно быть, так работал лунный песок.

– Ну что, помог порошок? – тихо съязвила ваграница.

– Вижу, как кот.

– Это хорошо. Ибо без факела я не разгляжу ни зги. И что-то мне подсказывает, что мы свернули не туда.

Артанна остановилась перед валуном, преграждавшим путь дальше, и принялась внимательно изучать камень.

– Или, наоборот, куда следует, – возразил Закин. – Проход завалили. Думаю, специально. Симуз хмыкнул.

– Не удивлюсь.

– Но пролезть можно, – сказала Артанна, пошарив рукой наверху. – Правда, придётся оставить все вещи здесь.

Она сняла перевязь с оружием, стянула куртку, оставшись только в тонкой рубаше – сразу стало холодно, и на всякий случай обвязала верёвку вокруг пояса. Затем воткнула факел в трещину пещерной стены так, чтобы хватило света на той стороне.

– Уверена, что это хорошая идея? – теперь засомневался даже Медяк.

– Я костлявая. Не застряну. Ждите здесь.

Артанна ощупала самый широкий просвет между валуном и сводом пещеры – должна поместиться, подтянулась и медленно переползла через валун. Каменюка оказалась высокой, но не особенно широкой, и всё же сдвинуть её даже впятером вряд ли бы вышло. Как протаскивать скрижали через столь небольшую дыру, она не представляла.

– Как ты там? – глухо спросил эмиссар.

– Нормально, – отозвалась Сотница. – Можете попробовать залезть. Сначала пусть идет Закин. И дайте факел.

Ваграницец был выше Медяка и куда мощнее комплекцией. Артанна справедливо рассудила, что уж если он протиснется, то и эмиссар проползёт без труда.

Она слышала шорох снимаемой одежды, слабый звон металла, крикание. Показалось бледное пятно – то была седина Закина, Артанна поспешила помочь.

– Сюда, вот так. Здесь удобный выступ.

Почти в темноте она помогла ваграниццу спуститься.

– Медяк, теперь ты.

Артанна поймала подтянутый ей факел со стороны Симуза:

– Мне он не нужен.

Пока эмиссар лез, ваграницка осмотрелась.

Они оказались в почти овальном тупике. Своды здесь были немного выше, и у неё получилось выпрямиться, хотя макушка все равно то и дело касалась импровизированного потолка. Пол был сухим, под ногами хрустела мелкая каменная крошка. Воздуха было маловато.

А затем она увидела то, зачем они сюда пришли.

– Ты смотри! – охнула Артанна и в несколько шагов оказалась возле находки. – Руны! Такие же, как на Двери внизу Валг дун Шано!

К её удивлению, каменные скрижали оказались невелики: всего-то высотой с половину Артанны. Но наверняка были тяжёлыми – всё же камень. Даже сквозь толстый слой каменной пыли Артанна смогла рассмотреть, что скрижали были отполированы до зеркального блеска, а сам камень выглядел очень необычно. Чёрный с золотистыми и серебристыми ветвистыми прожилками, похож на мрамор, но не такой хрупкий. Больше всего эти скрижали напоминали Артанне гробовые плиты в Святилищах, где хоронили имперскую знать. Но здесь вместо описания благих деяний великих мертвецов были древние руны, и светились эти знаки точно так же, как горели магические руны на Двери, которую Артанне показывал Заливар нар Данш.

Теперь не оставалось сомнений, что к созданию этих камней приложили руки те же люди, кто создал Дверь.

Первые Шано. Они нашли чёртовы скрижали. И от осознания этого на душе у Артанна отчего-то стало ещё тяжелее. Сколько крови прольётся из-за кучи отполированных камней. Сколько судеб сломается. Сколько боли придётся увидеть в глаза людей, чья вера будет растоптана древней истиной.

– Значит, это правда. Всё это – правда, – выдохнул Симуз и тут же скорчился от спазма. – Чёрт! Знаки. Они разъезжаются!

Артанна вздохнула.

– Нечего было баловаться с порошками. Знаки двигаются, потому что это древняя магия. Я уже видела такое и попробую снять заклятие.

Она бережно прикоснулась к плите, медленно провела вспотевшими от напряжения пальцами по шероховатой от слоя пыли поверхности камня. Раскатала рукав, смахнула пыль и снова прикоснулась.

Руны погасли.

– Как полезно порой быть фхетушем, – хмыкнула она и отпрянула от неожиданности, когда на месте рун проступили высеченные на камне письмена.

– Можно взглянуть? – тихо спросил Симуз. – Никогда не видел подобного.

– Конечно, – всё ещё слабо веря в своё странное могущество, сказала Артанна и отстранилась, чтобы дать Симузу разглядеть находку.

Эмиссар с опаской прикоснулся к скрижали. Ничего не вспыхнуло, не обожгло, не взорвалось – но от этих древних камней действительно исходило нечто, заставлявшее испытывать благоговение.

– Мёртвые боги, они прекрасны, – только и мог сказать Медяк.

– И опасны, – добавила Артанна. – Тот, кто владеет ими, сможет управлять Ваг Раном.

– Именно так, Шано Толл.

Артанна почувствовала, как что-то сдавило ей горло и инстинктивно вскинула руки, чтобы освободиться. Не помогло. Петля затянулась слишком туго, тело не слушалось.

– Добро пожаловать домой. – Закин ещё туже затянул петлю у неё на шее. – Заливар нар Данш нижайше благодарит вас за содействие в поисках и сожалеет, что не может поприветствовать лично, Шано Толл. Но скоро вы встретитесь лично.

Артанна пыталась вырваться, беспорядочно молотила руками и ногами, теряя силы и недоумевая, отчего Медяк не пытался ей помочь. И, лишь повернув голову, смогла разглядеть, что эмиссар распластался на полу ничком. Возле его головы была кровь – тёмная жидкость блестела в угасающем свете факела.

– Пошёл к чёрту, – прохрипела Артанна и обмякла, лишившись остатков воздуха.

3.1 Асеш

Артанна распахнула глаза и скорчилась от мучительного кашля. Она судорожно хватала ртом воздух, царапала остатками ногтей шершавый каменный пол и пыталась нормально вздохнуть. Не получалось: с каждым глотком воздуха грудь разрывало, а горло неистово болело. Она слышала хрипы – и лишь позже поняла, что издавала их сама.

– Дерьмо, – просипела Артанна, перекадилась на другой бок и, шуря глаза, осмотрелась.

Вагранийка находилась в том же тупике пещеры, где они нашли скрижали. Слева безмятежно сияли защитными рунами проклятые камни. Рядом лежал Медяк, в той же позе, в какой Артанна увидела его прежде, чем вагранийский ублюдок её придушил. Факел остался в стене, возле валуна, через который пришлось переползть.

Ни Закина, ни верёвки не было. Значит, ушёл обратно. Наверняка затем, чтобы вернуться с подмогой.

Артанна прикоснулась к саднившему горлу и зашипела от боли: Закин не церемонился. Но лёгкие потихоньку начинали качать воздух, и голова прояснялась.

Первым делом Сотница бросилась к стене, вытащила факел и вернулась к Медяку. Прислонила ухо к его рту – дышал, слава всем богам.

– Симуз! Эй! – она потрепала его по щекам, но он не ответил. – Ладно, хрен с тобой.

Артанна прислонила факел к скрижальям и попробовала осмотреть раны эмиссара.

Кровь из его головы перестала сочиться, но рана ещё не успела покрыться коркой. Артанна аккуратно раздвинула волосы и вздохнула с облегчением – приложили Медяка не хило, но череп, к счастью, не раскроили. Силён же был этот Закин, если умудрился обезвредить эннийского эмиссара под действием лунного песка. Силён, непрост и опасен.

Она принялась дальше осматривать спутника. Руки-ноги целы, но бок был мокрым от крови. Артанна вытащила из сапога небольшой нож и поддела им край куртки Медяка.

– Везучий ты сукин сын, Симуз Джеридас, – выдохнула она.

Нож пробил кожаные вставки на одежде, но органы не задел, только оставил длинную глубокую царапину. Впрочем, эта царапина – Артанна знала по опыту – без должного ухода могла превратиться в большую проблему.

Но сейчас куда сильнее её беспокоило то, что Медяк не спешил приходить в чувство.

– Очнись, мать твою растак! – Сотница отрезала край рубахи почище и приложила к ране на боку. – Они скоро вернутся. И, сдаётся мне, живым ты им не нужен.

Она приподняла Симуза и привалила к скрижальям, бережно поддерживая голову.

Наконец эмиссар открыл глаза и часто заморгал от казавшемся ярким света факела.

– Хвала! – прохрипела Сотница поднесла ладонь к лицу спутника. – Сколько пальцев видишь?

– Два, – прошептал Медяк.

– Отлично. Значит, соображать можешь.

– Что случилось?

– Закин и его шайка оказались слугами Данша.

– Дерьмо.

– О чувствах поговорим позже, береги силы. Хуже то, что Данш не упустит возможности вернуть себе фхетуша, а это значит, что за нами вернутся. И ещё Данш тебя помнит. Заливар вроде как в прошлый раз был сильно на тебя обижен. Вряд ли он решит сохранить тебе жизнь.

– И правда, с чего бы ему? – съязвил Медяк.

Артанна хмыкнула. Если способен на сарказм, значит, всё ещё не настолько хреново. За это она его и любила – даже в полной безнадёге находил возможность посмеяться.

– Нужно выбираться отсюда, пока ваграницы не вернулись, – напомнила Сотница. – Бойцы из нас сейчас так себе. Да и оружие они наверняка забрали.

Симуз покосился на скрижали и тут же поморщился от боли.

– А с находкой что делать?

– Бросать к Арзимат!

– Но...

Артанна схватила его за плечо и оказалась так близко к его лицу, что Симуз от неожиданности вжался в стену.

– Скрижали достанутся Даншу, и хрен с ними. Нам бы самим унести ноги. И с учётом того, что ты ранен, сделать это будет трудно. Тебя я не брошу, даже не надейся.

– Рад слышать. Верёвки нет, а пещера сложная. Зablудимся.

– Лучше сдохну здесь, чем снова окажусь в руках Данша. Сдохну, но попытаюсь нас вытащить. Помнишь, на пути сюда было ответвление хода направо? Попробуем пройти там.

– Нам может не повезти.

– Если ты не заметил, нам уже основательно не повезло, – отрезала Артанна. – Давай попробуем тебя поднять.

Кряхтя и опираясь на плечо Сотницы, Симуз кое-как смог выпрямиться.

– Как голова?

– Болит. Блевать тянет.

– Понятно. Тебе понадобится лежать.

– Изваляю весь местный мох, как только выйдем на свет божий.

Артанна кивнула.

– Давай торопиться. Факела надолго не хватит.

– Погоди. – Эмиссар достал из-за пазухи кисет с порошками. – Как чувствовал, что пригодится.

Артанна с недоверием покосилась на Медяка.

– Опять лунный песок? Ты уверен, что в таком состоянии это разумно?

– А что делать? Нужно любой ценой свалить из этого каменного мешка. Но ты права, с учётом ранений и того, что я уже принял порцию сегодня, когда меня на этот раз отпустит, я буду беспомощен, как младенец. Но хотя бы не буду обузой по дороге отсюда.

– Хорошо. – Артанна нехотя согласилась и убрала нож в сапог. – Сколько у нас времени?

– Немного. Но это лучше, чем ничего.

Он быстро засунул по щепотке в ноздри, проморгался, подавил желанием чихнуть и знаком показал, что готов идти.

* * *

Джерт двигался как мог быстро, но ему всё равно казалось, что он едва ли не полз по этой проклятой пещере. Каменный пол был неровным, его шатало, то и дело эмиссар задевал плечом острые выступы стен. Сложнее всего было перебраться через валун: здесь пришлось просить Артанну помочь. По дороге молчали и старались ступать как можно тише: Закин с подмогой могли появиться в любой момент.

Но они шли. Скользили, бились кожаными ногами о коварные мелкие камни, стискивали зубы и протискивались дальше. Даже в свете факела Симуз видел, какой ненавистью горели глаза Артанны, и он понял: на этот раз она действительно не сдастся живой. Но кроме этой решимости и ненависти он видел кое-что ещё. Всякий раз, когда она оборачивалась и смотрела на него, Симуз замечал беспокойство и страх. Как же. Чёрт возьми, было приятно знать, что в этом мире оставался хоть кто-то, кроме Десари, кому было до него, Симуза, дело.

Артанна, всё это время шедшая первой, наконец остановилась.

– Смотри, – едва шевельнула она губами и показала метку, что Закин оставил на скале. Так он пометил нужный проход развилки. Другой отходил правее и резко сворачивал.

Хоть чем-то этот седой ублюдок им помог.

Симуз потянул её за руку в правый тоннель. Факел чиркнул о свод и едва не погас.

– Осторожнее! – всё так же беззвучно призвала Артанна.

«Уходим дальше, быстро», – жестом показал он и приложил палец к уху. – «Я что-то слышу».

Сотница молча кивнула и рванула вперёд. Проход как раз делал крутой поворот и смог скрыть их от посторонних глаз.

Мгновением позже они услышали голоса. Говорили по-ваганийски, и эмиссар даже смог разобрать голос Закина. Они переглянулись с Артанной – она тоже слышала переговоры, кивнули друг другу и бесшумно двинулись дальше.

Они шли, пока не сбилось дыхание. Проход то сужался, то расширялся, но в целом был довольно удобен и сух. Симуз то и дело оглядывался назад – всё боялся, что у них кто-то мог быть на хвосте. Наконец он почувствовал, что проход стал круче. Они поднимались в гору. Казалось, в направлении северо-востока, но в замкнутом пространстве ощущениям веры не было.

Симуз почувствовал, что действие лунного песка начало ослабевать. Вернулась боль в боку, ныла рана на голове, его снова начало мутить.

– Нужно торопиться, – шепнул он. – Я устаю.

Артанна кивнула. Мгновением позже погас факел.

– Чёрт, – прошипела она.

– Я могу видеть, – отозвался Симуз. – Помоги мне.

Так они и шли дальше: Сотница поддерживала эмиссара, а тот был её глазами. Сколько они преодолели, сказать было трудно, но хвоста за собой не заметили. Вскоре они остановились возле ещё одной развилки: одна дорога брала выше, вторая спускалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.